

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Элитология

Учебное пособие

Под общей редакцией профессора И.Ю. Киселева

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов специальности Политология*

Ярославль 2006

УДК 316.344.42
ББК Ф03я73
Э 46

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2006 года*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор В.А. Мазиллов;
кафедра политологии и социологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Авторы:

И.Ю. Киселев (тема 1 – 5),
А.Г. Смирнова (тема 6)

Э 46 **Элитология:** учеб. пособие / под общ. ред. проф. И.Ю. Киселева;
Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2006. – 96 с.
ISBN 5-8397-0480-6

В учебном пособии раскрываются ключевые проблемы элитологии, связанные с рассмотрением элиты как социальной группы и субъекта политических отношений, пониманием процессов ее формирования и функционирования в современном обществе. Для этого осуществляется анализ как классических, так и современных концепций специалистов-элитологов. Особое внимание уделяется становлению элитологии как самостоятельной области знания, предлагающей комплексный междисциплинарный подход к изучению элиты. Обсуждаются концептуальные и методологические проблемы данной науки.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 020200 Политология (дисциплина «Элитология», блок ФТД), очной формы обучения.

УДК 316.344.42
ББК Ф03я73

ISBN 5-8397-0480-6 © Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2006
© И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова, 2006

Введение

Учебное пособие «Элитология» содержит материалы, используемые в ходе подготовки занятий для одноименного курса, который читается студентам факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Объем учебного пособия позволяет остановиться лишь на самых общих вопросах науки об элитах: определении основных понятий элитологии, рассмотрению классических и современных теорий элиты, механизмов ее рекрутирования и реализации практики властвования. Как показывают проведенные теоретические и эмпирические исследования и дискуссии на научных конференциях, данные вопросы являются актуальными как для российских, так и для зарубежных ученых.

Необходимость научного осмысления дихотомии «элита – массы», которая, по мнению целого ряда исследователей, рассматривается как универсальная, обусловлена следующими причинами.

Во-первых, понятие «элита» уже давно перестало быть только научной категорией, составной частью тезауруса социологии и политологии. Данный конструкт используется в журналистских репортажах и публицистических статьях. Он понятен специалистам и людям, которые далеки от проблем социально-политических наук. С одной стороны, это может служить подтверждением того, что элиты стали неотъемлемой частью социально-политических отношений в российском обществе. Но, с другой стороны, несистематическое использование данного конструкта вне контекста строгих научных формулировок размывало границы понятия, сделало неопределенным его объем.

Данная проблема рассматривается в теме 2 «Концептуальные и методологические основы изучения элиты». В ней анализируются и сопоставляются ключевые подходы к определению понятия «элита» и выбору критериев, в соответствии с которыми определяются границы группы элиты. Особое внимание уделяется проблеме соотношения понятий «элита» и «политический класс», «элита» и «лидер». Раскрытию сущности понятия «элита» посвя-

щена также тема 4, в ходе которой осуществляется попытка рассмотреть основные характеристики элитных групп, их структуру, механизмы рекрутирования и циркуляции так, как они представлены в трудах классиков элитизма Г. Моски и В. Парето.

Во-вторых, научное изучение элиты неразрывно связано с практикой социально-политической жизни, как наверно, любая проблема, которая так или иначе затрагивает вопросы политики. Однако судьба элитологии оказалась наиболее трудной. Использование понятия «элита» для описания отношений в советском обществе считалось неуместным. В современной науке складывается другая ситуация, когда концепция элитизма становится практически универсальным инструментом познания. Но правомерно ли подобное использование концепции элитизма для изучения отношений в диаде «элита – массы» в современном российском обществе, которое вбирает в себя элементы классовой и сословной организации, а также характеристики постиндустриального общества, в то время как элита традиционно рассматривается в качестве атрибута индустриального общества? Обсуждению поставленного вопроса посвящена тема 3 «Элитизм как подход к анализу отношений в обществе». Особое внимание уделяется ключевым направлениям изучения элиты в отечественной элитологии.

В-третьих, актуальность исследований обусловлена все возрастающей ролью деятельности политических элит в политической жизни современной России и продолжающейся концентрацией в руках элит ключевых властных и управленческих ресурсов страны на всех уровнях: местном, региональном, федеральном. Вместе с тем, наблюдается одновременное сокращение политической активности и участия основных групп населения страны в социально-политических процессах при постоянной декларации в СМИ, заявлениях политических лидеров о дальнейшей демократизации общества, о приоритете в нем именно демократических ценностей и норм.

Особенности участия элиты и масс в социально-политических процессах обуславливают постановку проблемы механизмов властвования элиты (тема 5 «Элита – массы: механизмы реализации власти»). В данной теме со ссылкой на работы Р. Михельса, Г. Моски и В. Парето рассматриваются социальные и психологические механизмы, лежащие в основе взаимоотношений между эли-

той и массами, а также внутри элитных групп, которые, в свою очередь, тоже построены по принципу разделения на правящее меньшинство и подчиненное большинство. Обсуждается роль идеологии и политической рекламистики как средств продуцирования политических значений и смыслов в конструировании отношений между элитой и массами.

Наконец, еще одна причина, обуславливающая необходимость всестороннего изучения отношений между элитой и массами, а также характеристик элиты как социальной группы и субъекта политических отношений, связана с развитием элитологии в качестве самостоятельной научной дисциплины. Процесс институционализации данной области знания идет достаточно активно: осуществляется защита кандидатских и докторских диссертаций, пишутся учебные пособия, курсы по элитологии включены в программу подготовки социологов и политологов. Аргументы, высказываемые в пользу существования элитологии в качестве самостоятельной области знаний, обычно связаны с тем, что такой комплексный феномен как элита практически невозможно понять, используя только концепции и методы отдельных дисциплин, например, социологии, философии, политологии. Вместе с тем, о существовании элитологии как самостоятельной научной дисциплины можно говорить только в том случае, если ею будет выработан собственный понятийный аппарат, концепции и методы. Однако в настоящий момент об этом говорить пока рано. Ведь даже понятие «элита» определяется по-разному в политологии и философии, а в том, что касается методов изучения, то здесь исследователи вольно или невольно используют инструментарий той науки, в рамках которой выполняется исследование. Проблемы элитологии как науки обсуждаются в теме 1 «Элитология как комплексная научная дисциплина: предмет, объект и структура элитологии».

Каждая тема курса снабжена вопросами для повторения и темами для письменных исследовательских работ.

Тема 1. Элитология как комплексная научная дисциплина: предмет, объект и структура элитологии

Элитология как комплексная научная дисциплина, сделавшая своим предметом изучение поведения, социального развития, образа жизни, ценностных ориентаций и других социальных характеристик элиты, является «продуктом» российской науки. Термин «элитология» был введен в научный оборот в 80-х годах XX века и получил широкое распространение в российских общественных науках начиная с 90-х годов. В последнее время специалисты, изучающие элиты, все чаще говорят о появлении «русской школы элитологии» [1, 20]. Вместе с тем необходимо отметить, что «русские корни» данного конструкта и дисциплины как таковой не означают лидерство отечественных ученых в разработке нового проблемного поля, которое было бы признано зарубежными коллегами. Например, Г.К. Ашин с сожалением указывает на то, что в других странах не спешат признавать «необходимость и законность этого термина или его эквивалента, который пока не предложен» [1]. Дискуссия об используемой терминологии теряет смысл, если речь идет только о корректности перевода и поиске наиболее точного эквивалента в иностранных языках. Однако введение в научный оборот нового термина представляет собой определенную веху в развитии той или иной дисциплины, поскольку призвано зафиксировать открытие нового явления в изучаемой проблемной области. В результате возникают следующие вопросы: каково назначение термина «элитология», который используют российские ученые? в чем специфика объекта и предмета новой научной дисциплины? каковы ее концептуальные основы и используемые методы изучения? Поиску ответов на поставленные вопросы посвящена первая тема.

Начнем с обсуждения первых двух вопросов. Необходимость использования термина «элитология» обусловлена особенностями *объекта* изучения – элиты как определенной целостности, как некоторой системы. Например, как подчеркивает М.Н. Афанасьев, политическая элита характеризуется целым рядом социальных, политических, экономических и духовных параметров функциониро-

вания социального поля власти [цит. по 24, с. 337]. Изучение элиты в подобном понимании становится возможным только при использовании целостного, системного подхода к феномену элиты. Именно такой подход и предлагает элитология. Она сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке социальной философии, политологии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии. Элитология включает в себя философскую элитологию, социологию элиты, политическую элитологию, историческую элитологию, а также историю элитологии, элитологическую психологию, культурологическую элитологию, сравнительную элитологию, исследующую общие закономерности и особенности функционирования элит в разных цивилизациях, разных странах, разных регионах мира, элитное образование и элитопедагогику. Каждая из перечисленных дисциплин фактически формулирует свой предмет изучения элиты.

Философская элитология представляет собой наиболее высокий уровень обобщения в элитологии. Она, в свою очередь, может быть подразделена на элитологическую онтологию, элитологическую гносеологию, элитологическую философскую антропологию, элитологический персонализм. *Онтологическая элитология* формулирует проблемы иерархичности бытия, элитности и элитного. Отметим, что различные аспекты неоднородности и иерархизации бытия были в центре внимания античной (Пифагор, Гераклит, Сократ, Платон) и средневековой философии (Августин Аврелий, Фома Аквинский), они обсуждались в философии Нового времени, в философии XX века (Н.А. Бердяев. Х. Ортега-и-Гасет). Различные концепции элитизма строятся на основе трех основных положений. Во-первых, это признание неравенства людей и неизбежности социальной и политической дифференциации общества. Во-вторых, акцентирование неизбежности выделения в дифференцированном обществе групп и лиц, осуществляющих власть. В-третьих, констатация неизбежности отстранения большинства людей от процесса осуществления власти или ограничения их участия во власти. Таким образом, онтологическая философия создает основы для рассмотрения элитизма в качестве универсального, характерного для различных культур и эпох явления.

В современном мире проблема иерархизации общества приобрела особое звучание и обозначена в работах П.Л. Карабущенко и

К. Лэш как «восстание элит» [9, 18]. Согласно позиции П.Л. Карабущенко, если XIX и XX столетия характеризуются активностью масс, то наступившее столетие будет характеризоваться «переходом от массовой культуры (как культуры потребления) к элитной культуре (как культуре «творения»), от массового и потому всегда усредненного образования к образованию элитному, от всегда деструктивной и потому конфликтной массовой психологии к элитарному сознанию» [9]. Подобные изменения должны произойти вследствие утверждения основ постиндустриализма. По мере формирования этого нового типа общества будет происходить и перестройка существующего типа элиты по трем главным параметрам «избранности» элиты: интеллектуализму, профес-сионализму и креативности, что соответствует изменению элитарного сознания, элитарного образования и элитарной культуры.

В результате актуальными становятся вопросы: почему теория элит вышла в мировой науке на приоритетные позиции? что качественно нового удастся понять с ее помощью в развитии современного общества? наблюдаются ли какие-то значимые подвижки в самой теории элит по сравнению с классической элитологией, или же мы имеем дело с модификацией принципов и подходов, выдвинутых в классических концепциях политической элиты В. Парето, Г. Моской, Р. Михельсом, П. Сорокиным и другими основоположниками элитологии?

Если онтологическая философия формулирует проблему дифференциации и иерархизации общества, то в элитологической гносеологии рассматривается одно из оснований для подобной дифференциации. *Элитарная гносеология* – это теория познания для «избранных», посвященных, обладающих «божьим даром». При этом подчеркивается, что знание приобретает посредством интуиции, «озарения», общения с потусторонним миром. В период зарождения классового общества принадлежность к привилегированным классам основывалась не только на принадлежности к родовой аристократии, но и на приобщении к сакральным знаниям и таинствам. Эти тайные знания, которые были не доступны обычным людям, составляли символический капитал будущих элитарных групп, легитимизировали ее претензии на привилегированное положение в обществе.

Характеризуя тенденции развития «политического класса» в современном мире, А.И. Неклесса подчеркивает, что в условиях функционирования постиндустриального общества все большую роль приобретают нематериальные активы: культурный, социальный, интеллектуальный капитал. При этом он отмечает, что в России до сих пор нет культуры оперирования нематериальными активами [21]. А поскольку не выработана культура, нет и соответствующего агента. Другими словами, российской политической элите еще предстоит трансформироваться в соответствии со стандартами постиндустриального общества. В результате российским ученым необходимо ответить на вопросы: каковы особенности российских политических элит? применимы ли в полной мере принципы политической элитологии к анализу российских политических реалий? можем ли мы говорить о существовании в пределах российской социально-политической системы сформировавшихся элитных групп, или же речь идет о квазиэлитах? не поступаем ли мы и в данном случае опрометчиво, когда осуществляем механический перенос понятий и характеристик западного общества и социально-политического процесса на российские реалии?

Элитологическая философская антропология и элитологический персонализм обращаются к комплексному изучению проблем человека, уделяя особое внимание самосовершенствованию личности и превращению человека в представителя элитных групп общества. Для решения задач совершенствования личности персонализм стремится создать педагогику, целью которой является развитие личностных начал в человеке, самовозвышение личности, ее элитизация, – то есть *элитопедагогику*.

Социально-философская элитология нацелена на поиск нормативного подхода к элите, требующего, чтобы в элиту включались наиболее творческие, выдающиеся по своим моральным и интеллектуальным качествам люди. К этому подходу близка меритократическая концепция, исходящая из того, что подлинная элита – это не просто те, кто волей рождения или случая оказался «наверху», но вполне реальные носители элитарных заслуг, исключительного ума, образованности, интеллектуального и морального превосходства, эрудиции, творческого потенциала и т.д. Например, характеризуя политическую элиту периода президентства Б.Н. Ельцина, директор аналитического центра газеты «Аргументы и факты»

В.В. Костиков делает вывод, что «элита, которая покупается, продается, которая не имеет своего мнения, а только обслуживает интересы узкого круга власть предержащих – эта категория людей *не имеет права называться элитой* [15]. Таким образом, социально-философский подход рассматривает, какими должны или не должны быть представители элитарных групп.

Социология элиты, в свою очередь, изучает реально существующие элиты. Социология рассматривает проблему функционирования элиты с точки зрения анализа социальной структуры и социальной мобильности (групповой и индивидуальной). При этом особый интерес вызывает восходящая мобильность (прежде всего, в элиту), изучение механизмов рекрутирования элиты. Для социологии характерен взгляд на элиту как на референтную группу, на ценности которой ориентируется общество. Социологические исследования выявляют элиту в обществе и в различных социальных группах по таким критериям, как имущественное положение, статус, место во властных отношениях. Особый интерес для элитологии в этой связи имеет проблема предписанного статуса, связанного с унаследованными факторами, с социальным происхождением, расовой и национальной принадлежностью и статуса, основанного на личных достижениях. Первый играет определяющую роль в обществах с закрытой элитой, второй – с открытой. Среди социологических методов исследования элит важнейшее место занимают метод эмпирических исследований и статистический метод выявления элиты.

Несмотря на то, что традиционно принято дифференцировать экономическую и интеллектуальную, военную и бюрократическую элиты, большая часть исследований, оперирующих данным конструктом, подразумевают ссылку на политическую элиту, изучаемую *политической элитологией*. Предметом политической элитологии, как определяет его Г.К. Ашин, «является исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом» [1]. Иначе говоря, исследует элиту – ее состав, законы прихода к власти и удержания этой власти, легитимизацию ее как правящего слоя, функционирование, роль в социальном процессе, причины деградации, упадка и ухода с исторической арены, законы трансформации и смены элит.

Интерес к подобной тематике обусловлен запросами практики политической жизни России: все возрастающей ролью деятельности политических элит в современной России и продолжающейся концентрацией в руках элит ключевых властных и управленческих ресурсов страны на всех уровнях; сокращением политической активности и участия основных групп населения страны в социально-политических процессах; постоянных заявлениях официальных лиц и в СМИ о дальнейшей демократизации общества и о приоритете в нем именно демократических ценностей и норм.

Отвечая на запрос практики, в исследованиях ставятся задачи по изучению социально-демографических характеристик членов политической элиты (происхождение, возраст, уровень образования и профессиональной подготовленности) [5, 16, 17, 27], ценностных ориентаций [4, 26, 29], основных типов политической элиты (кастовые, сословные, классовые, номенклатурные, меритократические), группировок, кланов внутри элиты [6, 7, 13, 22], вопросов формирования и смены элит [5, 23, 25, 27]. Особый интерес вызывают анализ отношений политических элит и народных масс, возможности оптимизации этих отношений, проблемы политического лидерства [19, 28]. Значительной отраслью политической элитологии является исследование региональных политико-административных элит [3].

Наряду с проведением исследований по изучению действующей политической элиты, актуальными остаются и теоретические исследования. Актуальность подобных исследований обусловлена тем, что, как подчеркивает В.П. Мохов, в отечественной элитологии существует «очевидное противоречие между признанием существования элитистской парадигмы и отсутствием достаточно разработанных теорий элиты, особенно применительно к условиям России. <...> Явно ощущается отсутствие "большой теории" в области элитологии» [20, с. 27]. Особую задачу представляет анализ оппозиционных парадигм к изучению элиты: элитизма и эгалитаризма, элитизма и плюрализма, элитизма и демократии. Как отмечает Г.К. Ашин, в последние годы в России возрос интерес к элитистской парадигме. Вместе с тем, ученый выражает сомнения в том, что «несомненный рост влияния элитистской парадигмы не является результатом естественной эволюции научных взглядов, это скорее результат действия политических причин, это реакция на цензурные,

идеологические гонения на элитизм, осуществлявшиеся в советские годы и десятилетия» [1]. Таким образом, сказанное позволяет сформулировать еще одну проблему элитологии, связанную с достаточно слабым развитием теории элит с учетом российской специфики. В результате возникает ситуация, когда использование классических теорий элит для анализа современных политических процессов не дает какого-либо приращения политического знания, поскольку не затрагивает и не раскрывает изначально сущности и специфики элит и их политической деятельности в качестве особого субъекта властного позиционирования и политического управления. Возможно, подобная ситуация связана с тем, что элитология в России является еще очень молодой наукой, хотя и имеющей уже сложившиеся интеллектуальные традиции. Поэтому одной из черт элитологии в нашей стране является ее «крайняя эмпиричность» [14, с. 46]. Основная задача данного «эмпирического» этапа состоит в том, чтобы описать реальность, с которой взаимодействуют исследователи, собрав максимальное количество фактов. Затем должны последовать и теоретические обобщения.

Завершая неполный обзор многочисленных дисциплин, образующих структуру элитологии, необходимо кратко рассмотреть, как проблема элит представлена в *психологии*. Значительный потенциал для изучения элиты представляют политическая и социальная психология. Понятие политической элиты не принадлежит к тезаурусу этих наук. Вместе с тем, *социальная психология* внесла значительный вклад в изучение элиты, концептуализировав ее в качестве особой социальной группы, устойчивой общности, основанной на глубоких внутренних связях входящих в нее членов. Изучение подобной проблематики представлено преимущественно работами зарубежных исследователей.

Разработка социально-психологических аспектов воспроизводства элиты, практики ее властвования ведется в работах Р. Патнэма [39, 40], Р. Мерелмана [37], Л. Милбрэта [38], У. Стоуна [43], М. Рокича [41]. При этом в отдельное исследовательское направление выделяется изучение социально-психологических аспектов злоупотребления властью, девиантности политической элиты. Исследования по данной проблематике присутствуют в работах П.А. Сорокина и У. Ландина [42], Б. Мейерсона [36], Е. Этциони-Хэлеви [30, 31], Э. Холландера и его коллег [32 – 35]. Приведен-

ный перечень работ показывает, что лидерство в изучении психологических аспектов злоупотребления властью принадлежит американским и европейским исследователям.

Результаты, полученные политическими психологами, зачастую расцениваются как имеющие недостаточную релевантность для понимания процессов, протекающих на уровне элитных групп [19]. Не обсуждая в данном тематическом разделе проблему соотношения понятий «политический лидер» и «политическая элита», перечислим основные направления исследования политической личности в психологии. Среди них могут быть названы: изучение мотивации политической деятельности [2, 44], психологические аспекты принятия политических решений [8, 10 – 12], индивидуально-личностных характеристик политиков [26]. Особую область исследований представляет изучение восприятия власти обычными гражданами [29], взаимоотношений элиты и масс.

Кроме специфики предмета элитологии, определяемой каждой из предметных областей, необходимо подчеркнуть те аспекты предмета, которые детерминированы действиями экономических, культурных, религиозных, военных элит. В результате предмет элитологии становится еще более «дробным», многоаспектным. С одной стороны, как отмечалось ранее, подобная многогранность предмета элитологии соответствует сложности изучаемого объекта. И, как подчеркивает Г.К. Ашин, каждый из разделов элитологии является структурным элементом исследования элиты как целостного феномена. В любом из этих разделов, наряду с их спецификой, можно вычленить определенные общие закономерности, общую теорию, методологию элитологии, которая «работает» во всех этих специфических областях, своеобразно в них преломляясь» [1]. Но, с другой стороны, расширение предмета элитологии объясняет трудности с синтезом данных, полученных каждой из дисциплин, и, следовательно, формулировкой теории элиты, построенной на их пересечении.

Примечания

1) Ашин Г.К. Элитология как комплексная научная дисциплина // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

2) Винтер Д. Восприятие политическими лидерами кризисов и их угрозы. Сравнительный анализ кризисов 1914 и 1962 гг. // Психология восприятия власти / под ред. Е.Б. Шестоपाल. – М.: Социально-политическая мысль, 2002. С. 136 – 148.

3) Власть и элиты в современной России: сборник научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. Часть 3. Власть и властные элиты в современной России. С. 236 – 353.

4) Восканян С.С. Возможности политической элиты в строительстве либеральной демократии в России // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

5) Галлямов Р.Р. Постперестроечная эволюция субрегиональной политической элиты Российских республик // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

6) Гаман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессе парламентского представительства современной России // Власть и элиты в современной России: сборник научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 102 – 117.

7) Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис, 2004. № 4. – С. 52 – 69.

8) Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М.: КДУ, 2004. 416 с.

9) Карабущенко П.Л. «Восстание элит» и его возможные сценарии // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

10) Киселев И.Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. М: ИП РАН, 2000. 410 с.

11) Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Образ государства и принятие решений в международных отношениях: учебное пособие. СПб.: СПбГУ, 2004. 176 с.

12) Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // Полис, 2004. № 4. С. 116 – 125.

13) Кислицын С.А. Политические контрэлиты и антиэлиты в Российском политическом процессе // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

14) Колесник И.В. Исследования российской элиты: в поисках теоретического основания // Власть и элиты в современной России: сборник научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 38 – 62.

15) Костиков В. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 1.02.2004.

16) Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra, 2002. Том 7, № 4. С. 158 – 180 .

17) Лапина Н.Ю. Черты к портрету российской региональной элиты // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

18) Лэш К. Восстание элит. – М.: Логос; Прогресс, 2002. 224 с.

19) Магомедов А.К. Политическая элита и политическое лидерство: концептуальная динамика и проблема эволюции подходов // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

20) Мохов В.П. Элитизм как способ анализа властных трансформаций в России // Власть и элиты в современной России: сборник научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 21 – 37.

21) Неклесса А.И. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.

22) Перегудов С.П. Крупная российская корпорация как субъект публичной политики / Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 201 – 209.

23) Пляйс Я.А. Политическая элита России в прошлом и сегодня (обзор диссертаций отечественных политологов) // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

24) Политическая социология: учебник для вузов / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 495 с.

25) Полякова Т.М. Политическая трансформация в России и формирование региональных элит // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

26) Ракитянский Н.М. Портретология власти: Теория и методология психологического портретирования личности политика. М.: Наука, 2004. 264 с.

27) Туровский Р. Эволюция и проблемы обновления российской региональной элиты. // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

28) Чирикова А.Е. Политические лидеры регионов и их управленческие команды // Властные элиты современной России в процессе политической

трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

29) Шестопал Е.Б. Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ. М.: Алетея, 2004. 536 с.

30) Etzioni-Halevy E. Comparing Semi-Corruption among Parliamentarians in Britain and Australia // *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research* / E. Oyeyemi, Newbury Park: Sage Publications, 1990. P. 113 – 133.

31) Etzioni-Halevy E. *Fragile Democracy: The Use and Abuse of Power in Western Societies*. Brunswick, L.: Transaction Publishers, 1989. 193 p.

32) Hollander E.P. Conformity, Status and Idiosyncrasy Credit // *Psychological Review*. 1958. № 65. P. 117 – 127.

33) Hollander E.P. Leadership and Power // *Handbook of Social Psychology* / Ed. By G. Lindzey, E. Aronson. 3-rd ed. N.Y.: Random House. 1985. Vol. 2 P. 485 – 538.

34) Hollander E.P., Julian J.W. A Further Look at Leader Legitimacy, Influence and Innovation // *Group Processes: Papers from Advances in Experimental Social Psychology* / Ed. by L. Berkowitz. N.Y.: Academic Press, 1978. P. 153 – 165.

35) Hollander E.P., Julian J.W., Sorrentino R.M. The Leader's Sense of Legitimacy as a Source of Constructive Deviation // *Group Processes* / Ed. By L. Berkowitz. P. 137 – 147.

36) Meyerson B.G. *The Abuse of Power: An Investigation of Three Factors in Its Development*. Lund University. Department of Psychology. Doctoral Dissertation. 1987. 121 p.

37) Merelman R.M. Politics and Social Structure // *The Handbook of Political Behavior* / Ed. By S.L. Long. N.Y., L.: Plenum Press, 1981. Vol. 3. P. 203 – 274.

38) Milbrath L.W. Political Participation // *The Handbook of Political Behavior* / Ed. By S.L. Long. N.Y., L.: Plenum Press, 1981. 4. P. 197 – 240.

39) Putnam R.D. *The Beliefs of Politicians: Ideology, Conflict and Democracy in Britain and Italy*. New Haven: Yale University Press, 1973. 309 p.

40) Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1976. 246 p.

41) Rokeach M. *Beliefs, Attitudes and Values: A Theory of Organization and Change*. San Francisco: Jossey Bass, 1968. 214 p.

42) Sorokin P.A., Lundin W.A. *Power and Morality: Who shall Guard the Guardians?* Boston: Sargent, 1959. 204 p.

43) Stone W.F. *The Psychology of Politics*. N.Y.: Free Press, 1974. 291 p.

44) Winter D.G. Measuring the Motives of Southern Africa Political Leaders at a Distance // *Political Psychology*. 1980. № 2. P. 75 – 85.

Вопросы для повторения

- 1) Обоснуйте необходимость существования элитологии как науки, предполагающей комплексное изучение элиты. Какова структура элитологии?
- 2) Дайте определение предмета и объекта элитологии.
- 3) В чем заключается специфика социально-психологического подхода к изучению элиты?

Темы для письменных исследовательских работ

- 1) Дихотомия «элита – массы» как атрибут современного российского общества.
- 2) Элитология как самостоятельная область научного знания: аргументы «за» и «против».
- 3) Элита как специфическая социальная группа: структура, характеристики.
- 4) Российская школа элитологии: основные характеристики.
- 5) Элита как референтная группа.
- 6) «Элитарное» и «массовое» – критерии определения.

Тема 2. Концептуальные и методологические основы изучения элиты

Данная тема посвящена осмыслению концептуальных и методологических основ элитологии. В данной теме необходимо, во-первых, дать определения ключевых понятий данной науки, во-вторых, рассмотреть основные положениями элитизма, который выступает в качестве парадигмы изучения элиты в России, и, в-третьих, познакомиться с методами, используемыми элитологией.

Центральным понятием элитологии является, конечно же, «элита». Как подчеркивает В.П. Мохов, «элитизм как способ анализа общества, сталкивается с рядом проблем, *первая* из которых связана с определением соотношения между различными подходами в определении понятия элиты» [10, с. 23]. Более того, для определения исследуемого объекта почти синонимично используются такие конструкты как «политическая элита», «политический класс», «правлящий класс», «политические лидеры». Поэтому необходимо рас-

смотреть соотношение указанных понятий. Решение вопроса об определении понятия элиты имеет принципиальное значение для осуществления эмпирических исследований: аргументации выбора объектов для изучения, а также соответствующих методов.

При определении понятия элиты обычно используют один из двух подходов – *структурно-функциональный* (аналитический, альтиметрический, властный) и *нормативный* (ценностный, меритократический). Сторонники структурно-функционального подхода, среди которых могут быть названы Г. Моска, Л. Дюпре, П. Шаран, М. Нарта, С. Келлер, Б. Головачев, Р. Миллс, Т. Дай, В. Соколов и другие, используют в качестве основных атрибутов статус и обусловленные этим статусом функции в системе социальных и властных отношений. Согласно данному подходу, элита – это люди, обладающие высоким социальным положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный прогресс (Л. Дюпре). Определение, сформулированное Б. Головачевым, помогает конкретизировать предыдущее определение: элита – это особая, относительно небольшая социальная группа людей, занимающая командные, ключевые позиции, принимающая важные решения и оказывающая влияние в различных сферах общественной жизни. Более того, Р. Миллс подчеркивает, что данная группа людей принимает решения, имеющие крупные последствия. Таким образом, определение элиты с точки зрения структурно-функционального подхода учитывает три основных элемента: группа меньшинства, высокий социальный статус (структура) и возможность принимать решения, оказывающие влияние на жизнь большинства (функция).

Если с точки зрения структурно-функционального подхода к элитам могут принадлежать люди, имеющие высокий социальный статус по рождению или в силу назначения на ту или иную должность, то *нормативный подход*, которому следовали В. Парето, Х. Ортега-и-Гасет, Ж. Тощенко, Ж. Фройнд, Т. Корбет, А. Тойнби, А. Сребницкий, Г. Лассуэл и другие определяет основания для занимаемых статусных позиций и возможности оказывать влияние. К таким основаниям специалисты в области изучения элиты относят исключительные интеллектуальные способности и наивысшее чувство личной ответственности (Х. Ортега-и-Гасет, Ж. Тощенко), «боговдохновенность» и обладание харизмой (Ж. Фройнд), обра-

зование, которого лишены другие (Т. Корбетт), творческое мышление (А. Тойнби), престиж и богатство (Г. Лассуэл). Обобщить перечисленные качества позволяет определение А. Зиновьева: «Элита – это люди, которые благодаря своему богатству, власти и выдающимся личным способностям возвышаются над массой прочих индивидов, приобретают широкую известность, оказывают влияние на судьбы многих людей и оставляют след в истории» [цит. по 14, с. 336].

Конструируя желаемый образ российской политической элиты, специалисты в области изучения элиты называют профессионализм, великолепные качества в своей основной профессии (О. Крыштановская), обостренное чувство патриотизма (А. Пионтковский), менеджерские способности, честность (С. Марков), молодость (Б. Грушин). К вышесказанному необходимо добавить критерий репрезентативности. О. Крыштановская подчеркивает, что при формировании элиты не надо выбирать людей одного типа: «Элита – в миниатюре модель общества» [20].

Противоречивость приведенных подходов обнаруживается как на концептуальном уровне, так и на уровне практики. На концептуальном уровне это расхождение проявляется в том, что в рамках социально-философского подхода применяется нормативное определение элиты как сообщества лиц, обладающих наивысшими индексами в избранной сфере деятельности. В то же время в контексте современных политологических исследований элита определяется с точки зрения структурно-функционального подхода в качестве сообществ лиц, занимающих наивысшие посты во властной иерархии. Противоречие становится принципиальным в свете формирования элитологии в качестве самостоятельной области знаний, поскольку обозначенные ранее подходы не позволяют однозначно определить объект науки. Иначе говоря, элитная группа, выделенная с точки зрения структурно-функционального подхода, может не совпадать с группой, сформированной на основе нормативного подхода. Российская политическая практика подтверждает сказанное. Как подчеркивает А. Подберезкин, «теоретическое определение (нормативное. – *И.К.*) правильно, но оно не имеет никакого отношения к нашей практике, жизни. <...> Как раз категория профессионализма менее всего учитывается» [13]. Б. Грушин конкретизирует позицию А. Подберезкина: «У нашей элиты главный

признак – это статус. < ... > Все остальные характеристики, такие как профессионализм, принятие стратегических решений – это все второстепенно» [5]. Таким образом, принимая во внимание расхождение нормативного и структурно-функционального определения, российская политическая элита может быть категоризована в качестве таковой с позиций структурно-функционального подхода, в то время как с точки зрения нормативного подхода – нет.

Второй ряд проблем, который возникает при определении понятия «элита», касается вертикальной и горизонтальной составляющих политики, как их формулирует американский политолог Дж. Сартори [27, с. 131]. Они связаны с измерением «глубины» элиты как страты. Ранее мы уже отмечали, что элитные группы являются немногочисленными и по некоторым оценкам достигают 5% членов политического сообщества [цит. по 9]. На основе каких критериев определяется принадлежность к элите? Например, все политики обладают определенным статусом, чтобы принимать важные для страны решения, или, по меньшей мере, влиять на их выработку. Кто из них будет принадлежать к политической элите? Или рассмотрим другую группу – представителей научного сообщества. Эти люди характеризуются высокими интеллектуальными способностями, творческим мышлением – качествами, предписываемыми нормативным подходом к определению элиты. Однако не вызывает сомнения тот факт, что большинство представителей научного сообщества не идентифицирует себя с элитными группами.

В политологии разработаны методы, задающие критерии для определения принадлежности к элите. Каждый из этих подходов строится на основе соответствующего определения политической элиты.

В основе *метода позиционного анализа* лежит определение элиты, согласно которому «к элитным группам принадлежат те индивиды, которые занимают формально определенные позиции власти во главе социальной организации или социального института» [23, с. 4]. Российское законодательство разработало достаточно четкие критерии отнесения субъектов, занимающих политические посты, к элите. Собственно элита по статусу включает президента и вице-президента страны, членов Президентского совета, лидеров представительных органов власти и депутатов, премьер-министра и его заместителей, министров, руководителей администрации и

председателей представительных органов власти субъектов Федерации, глав дипломатических представительств за рубежом, высший слой военных чиновников, лидеров политических партий и общественных движений, руководителей ведущих СМИ. Значительная часть ее представителей по действующему «Перечню государственных должностей» занимает политические должности группы «А». К этой группе относятся должности, непосредственно связанные с функциями по управлению государством. В соответствии с тем же «Перечнем государственных должностей» в структуру элиты входит так называемое «элитное окружение» – люди, занимающие должности категории «Б». Это советники и консультанты разных рангов и профилей, члены советов, комиссий и рабочих групп – те, кто составляет «команду руководителя» [14, с. 344].

В структуру политической элиты входят также контрэлиты, обладающие всеми характеристиками элиты, кроме отсутствия у них ресурса реальной власти. Она борется за его приобретение и получения статуса субъекта политики в ранге правящей элиты [4].

Значительная часть эмпирических исследований выполнена с использованием метода позиционного анализа, поскольку он считается общедоступным и не сложным по технике исполнения. Как правило, этот метод используется для изучения членов парламентов, кабинетов министров, центральных комитетов политических партий, советов директоров промышленных корпораций.

Критика метода исходит из того, что обладание властным ресурсом слабо связано с институциональной позицией, фиксируемой данным методом, который не позволяет выявить скрытых обладателей власти. Занимаемые позиции, институты власти могут меняться или иметь разное содержание в различных контекстах: «Дефиниции позиций искажают реалии организации, поскольку организации по своей природе – нечто большее, чем иерархии власти» [23, с. 121]. Более того, при использовании данного метода мы имплицитно ставим знак равенства между институтами, которые формально равнозначны, но функционально различаются. Например, члены конгресса США, английского парламента и бывшего Верховного Совета СССР в сравнительной перспективе не занимают сопоставимых позиции в своих элитах, хотя все они формально представляют национальных законодателей.

Существуют также отличия в принципах прихода служащих на государственные посты. Например, в Великобритании старшие должностные лица не избираются, они поступают на работу в организации как карьерные служащие. Традиция такова, что чиновник служит правительству, а не преследует какие-то краткосрочные политические цели. Еще один недостаток метода позиционного анализа заключается в том, что всегда существует опасность включить в элитную группу чиновников, которые выполняют преимущественно административно-техническую работу. В нашем случае, это государственные служащие, занимающие должности группы «Б». При этом лидеры неформальных организаций, которые не занимают официальных государственных должностей, но оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения по той или иной проблеме, с точки зрения данного метода не могут рассматриваться в качестве представителей политической элиты. Поэтому при использовании данного метода необходимо учитывать особенности отдельных форм правления и власти.

Несмотря на указанные ограничения, метод позиционного анализа является необходимым инструментом на начальных этапах изучения элиты, поскольку позволяет определить наиболее значимых формальных представителей власти. В целом этот метод применяется для изучения типов карьер, циркуляции элит в исторической перспективе, позволяя получить сопоставимые данные о субъектах, которые занимают ведущие позиции в обществе. Основное ограничение метода состоит в том, что он позволяет получить не картину политической жизни общества, а, скорее, отражает направления социальной мобильности, ориентирует на формальный институциональный подход.

Метод «принятия решений» строится на основе определения элиты как категории лиц, участвующих в процессе принятия решений и распределении ценностей в обществе [6, с. 93]. Как подчеркивает А.С. Панарин, определение элиты сквозь призму возможности принимать решения, приводящие к важным последствиям в жизни общества и государства, является наиболее операциональным – его можно проверить. «Элиты – суть властные, принимающие решения», – дает определение элиты эксперт [12]. Данное определение может быть использовано и для категоризации других видов элит: экономической – обладающей экономической властью

и принимающей экономические решения; интеллектуальной – оказывающей влияние на умы.

Таким образом, использование данного метода предполагает выявление основных участников процесса принятия решений. Основоположителем данного метода определения элиты является американский политолог Р. Дал. Он впервые использовал его для изучения политики в области образования, регионального планирования, исследования тенденций при назначении должностных лиц на различные посты в местных административных органах власти [22]. Техника метода основана на отборе наиболее злободневных для местной элиты проблем и на исследовании процесса их решения: кто включен в процесс принятия решений и что конкретно решает.

Исследования процесса принятия решений имеют то преимущество, что при анализе структуры власти они не основываются на гипотезе о существовании четко очерченного слоя элиты, как это предполагает метод позиционного анализа. Скорее, путем выборочных опросов отдельных политических деятелей осуществляется попытка определить, какую долю участия в разработке и принятии решений опрашиваемый отводит себе и другим участникам. Методическая трудность состоит в том, чтобы проанализировать интенсивность влияния отдельных лиц на процесс принятия решений, поскольку в демократической системе каждый индивид выступает в качестве потенциального участника разработки и принятия решений на различных уровнях. Иногда, чтобы упростить исследование, в процессе принятия решений вычленяются отдельные фазы: сообщение (информация и планирование), рекомендация (поддержка), распоряжение (законодательное решение), требование, применение, оценка и результат [2, с. 211].

Критика метода исходит из того, что только незначительное число важных решений в политической сфере может быть изучено в деталях – исследователю приходится делать слишком широкие обобщения из незначительной выборки конкретных проявлений политической власти. И только множественные исследования отдельных процессов принятия решений позволяют дать характеристику политической элиты в целом. Кроме того, сопоставимость материала в различных системах невелика. Вероятно, лучше использовать этот метод при анализе тех проблем, которые получили широкий общественный резонанс. Вместе с тем возможность кон-

тролировать включение тех или иных проблем в повестку дня для обсуждения и принятия конкретных решений уже само по себе свидетельствует о проявлении политической воли. И если политическая элита в состоянии исключать из поля зрения общественности определенные проблемы, ее власть трудно «зафиксировать» с использованием этого метода.

Наибольшие споры вызывает проблема объективности отбора ключевых проблем, важных для всего сообщества, а не только для самого исследователя. Острой критике этот метод подвергся со стороны американских политологов П. Бахраха и М. Баратца с позиций их концепции непринятия решений [21], когда политическая элита путем манипулирования господствующими в обществе ценностями, политическими мифами, политическими институтами и процедурами искусственно сдерживает решение и обсуждение проблем, достигших уровня общественной значимости.

Сопоставление двух методов с точки зрения совпадения выделенных с их помощью элитных групп позволяет сделать вывод о том, что состав этих групп может не совпадать. Очевидно, что не всегда те, кто обладает высоким формальным статусом, являются субъектом принятия решений. Более того, границы элитной группы будут довольно аморфными, поскольку тот или иной субъект может принимать участие в выработке одного решения, и быть не причастным к принятию другого. Можно ли в данном случае рассматривать его в качестве представителя политической элиты? Какой из обозначенных эпизодов является более важным? Таким образом, компенсация ограничений метода позиционного анализа оборачивается новым недостатком.

Метод репутационного анализа впервые был использован американским социологом Ф. Хантером для изучения функционирования элиты на местном уровне власти [24]. Он основан на неформальном свидетельстве членов экспертных групп о наличии у изучаемых индивидов власти и влияния с учетом их репутации, сложившейся в обществе. В этом случае выделение элиты осуществляется путем опроса группы экспертов по поводу тех, кто может обладать политической властью на местном или национальном уровнях.

Метод позволяет выделить ту элиту, чья власть и влияние проявляются косвенно, имплицитно и которые трудно зафиксировать

при помощи методов, построенных на основе использования достаточно формализованных критериев принадлежности к элите, таких как занимаемая должность и участие в процессе принятия решений. Например, опросы общественного мнения и построение на их основе рейтингов 100 ведущих политиков России, которые начали практиковаться с 1992 года, позволяют обнаружить в перечне первых двадцати имен Т. Дьяченко, В. Гусинского, Р. Абрамовича. Их влияние на политическую жизнь страны не вызывает сомнения, но зафиксировать это влияние при помощи ранее названных методов и отнести их к политической элите весьма затруднительно. Более того, данный метод позволяет зафиксировать процесс самозамени элиты, независимо от официальных назначений и действий на политической арене. Изучение динамики рейтингов помогает обнаружить, что из года в год первая двадцатка политиков практически полностью обновляется, сохраняя при этом постоянным свое «ядро».

Вместе с тем, данный метод также не лишен ограничений, связанных с поиском группы экспертов, характером задаваемых вопросов и т.д.. Практика использования метода репутационного анализа показывает, что даже хорошо информированные политики не всегда точно представляют, кто являются самыми влиятельными людьми, какова степень их влияния на принятие того или иного решения. Если выбранные в качестве экспертов лица из окружения предполагаемой элиты не имеют доступа к «закулисной» информации, если их знание ограничено узкой сферой общественной жизни, они представят совершенно искаженную картину властных отношений, искренне заблуждаясь в существующей реальности. Более последовательные сторонники этого метода стараются выяснить у опрашиваемых членов экспертной группы только те отношения власти и влияния, свидетелями которых они являлись непосредственно. Но даже в этом случае, казалось бы гарантирующем реальную расстановку сил, дальнейшая реконструкция модели властвующих из мозаики подобных ответов остается делом чрезвычайно сложным, трудоемким. Метод репутационного анализа – самый трудоемкий, так как он требует как бы двух этапов в процессе интервьюирования экспертной группы.

Другое ограничение метода связано с тем, что сами вопросы могут привести к ложным ответам либо из-за непонимания, либо вследствие разных подходов к концептуальному осмыслению са-

мой власти. Более того, исследователи, предпочитающие этот подход, заранее предопределяют его результаты тем, что рассматривают промышленников, людей бизнеса в качестве обладателей власти в регионах и будут склоняться к акцентированию их позиций на местах. В целом, суть ограничений данного метода сводится к действию индивидуальных особенностей восприятия и ошибок, сопровождающих познавательную активность человека.

Таким образом, подводя итог рассмотрению методов эмпирического определения состава элитной группы, можно сделать вывод о том, что каждый из них обуславливает различное наполнение данной группы. Разумеется, можно выделить группу людей, которая будет категоризована в качестве элиты с позиций каждого из перечисленных методов. Это, как правило, президент, премьер-министр, лидеры ведущих партий, члены правительства, главы военных ведомств. Возможно, именно данный константный слой, возникающий на пересечении результатов, которые получены при помощи трех разных методов, и следует рассматривать в качестве элиты?

Большинство российских элитологов склоняется в пользу метода позиционного анализа [7, с. 41]. Метод принятия решений обнаруживает серьезные ограничения, обусловленные особенностями функционирования политической системы в современной России. Как подчеркивает Н.В. Колесник, «для исследователя российских элитных групп процесс принятия решений закрыт и потому апеллирование к этому методу идентификации элиты видится не совсем корректным» [7, с. 42]. Что касается метода репутационного анализа, то, по мнению Ш. Ривера, он не имеет преимуществ перед методом позиционного анализа и методом принятия решений. И даже более того, он считает, что «эффективность эмпирического изучения элит в современной России не сильно пострадает от использования чисто позиционного метода» [16, с. 66].

Сказанное выше, фактически, означает, что в российских условиях метод позиционного анализа является наиболее эффективным (учитывая препятствия в применении других) инструментом определения границ элитной группы. Следовательно, наиболее операциональным оказывается структурно-функциональный подход к определению сущности понятия «элита». Однако сказанное оказывается верным только с оговоркой «в современных российских условиях». Могут быть названы политические системы, в которых на

практике реализуются нормативные определения элиты. В качестве примера могут быть приведены США, политический истеблишмент которых готовит политическую элиту по определенным стандартам. Если человек собирается стать политиком, то он должен пройти примерно один и тот же путь: закончить престижный университет, на старшем курсе заниматься политической деятельностью. После этого он должен стать помощником конгрессмена штата, потом пойти работать в исполнительные структуры, затем – в конгресс США. Чтобы стать помощником президента США необходимо пройти стажировку в ЦРУ, Государственном департаменте, министерстве обороны. Только тогда "соискатель" входит в политическую элиту США. В данном случае происходит интеграция двух подходов к пониманию сущности элиты – нормативного и структурно-функционального. Субъект получает возможность занять высокий пост во властной иерархии и принимать судьбоносные решения, если он наделен определенными характеристиками, которые система рассматривает в качестве обязательных для политика такого ранга. Подобная система «воспитания элиты» существовала и в СССР: в Уставе КПСС признавались особые, лучшие качества граждан, вступивших в КПСС [10]. В системах, формирующихся по такому принципу, установление позиции субъекта во властной иерархии является достаточным условием для его отнесения к элите.

Можно ли на основе приведенных рассуждений сделать вывод о наибольшей эффективности метода позиционного анализа при определении границ элиты? Вероятно, нет, поскольку в приведенных нами примерах категоризация элиты, в конечном итоге, идет по разным основаниям: факту пребывания во власти, занимаемым статусным позициям (в случае российской элиты), профессиональному соответствию (в случае США и СССР). В результате существование проблемы эмпирического определения границ элитной группы не способствует устранению сложностей, связанных с теоретическим осмыслением понятия элиты, а значит, четкой диффиницией объекта элитологии как самостоятельной отрасли знаний.

Третья проблема связана с необходимостью разграничения понятия «элита» и других конструктов, которые используются как синонимичные. В отечественных источниках элита категоризуется как «высший слой», «правлящий класс», «властвующая элита», «правля-

щая группа», «политический класс», «политические лидеры». Попробуем соотнести приведенные понятия и понятие элиты.

Элита и политический класс. Понятие политического класса, к сожалению, обнаруживает не меньше сложностей с определением, чем «элита». При этом рассматриваемые понятия уже давно употребляются обиходно и их значения, казалось бы, известны. Однако, как мы продемонстрировали, анализируя понятие элиты, это далеко не так.

К определению политического класса существует несколько подходов. Согласно классическому определению, сформулированному М. Вебером, политический класс состоит из политиков, которых *выбирают* на государственные посты. Иначе говоря, чиновники, назначенные на свои должности, не принадлежат к политическому классу [3]. Если следовать приведенному определению далее, то понятие политической элиты по своему объему будет шире, чем понятие «политический класс». Как было показано выше, представители политической элиты преимущественно назначаются, нежели избираются на свои посты. Из приведенного ранее перечня государственных должностей группы «А» избираемыми являются только президент и депутаты.

Данное определение может быть конкретизировано посредством выделения политического класса на основе критерия *профессионализма*. Политический класс – это люди, которые сделали своей профессией политику. Как подчеркивает И.М. Бунин, «эти люди могут переходить из министров в чиновники, но самое главное для них – это профессия» [3]. При этом необходимо отметить, что в политический класс входят также и журналисты, которые пишут о политике. Они являются профессионалами второго уровня. С точки зрения данного определения объем понятий «политический класс» и «политическая элита» почти полностью совпадают. Здесь снова необходимо сделать оговорку и сослаться на российскую специфику. Как подчеркивают российские эксперты в области изучения политического класса и политической элиты, в нашей стране почти нет избираемых профессиональных политиков. Поэтому политический класс образуют все активно *участвующие* в политическом процессе [3].

Существует еще один подход, в основе которого лежит *коммуникативный параметр* и в соответствии с которым дает определение А.А. Ослон. Политический класс объединяет людей, которые

«много говорят о политике в силу умений, в силу необходимости, в силу профессии, в силу интереса» [11]. Если следовать данному определению, тогда понятие политического класса оказывается шире по объему, чем «политическая элита», поскольку, как подчеркивает заместитель главного редактора журнала «Политический класс» Д. Андреев, даже «учитель, объясняющий что-то ученику про расстрел Белого дома и не отсылающий его к учебнику, этот учитель в данный момент – политический класс» [1]. Согласно коммуникационному подходу к определению политического класса, его представителем в тот или иной момент может стать любой член общества, который в силу названных ранее атрибутов не принадлежит к элитным группам ни по статусу, ни по таким характеристикам как профессионализм, креативность или выдающиеся интеллектуальные способности, материальное положение и влияние.

Иной ракурс раскрытию соотношения понятий задает рассмотрение класса с точки зрения трех основных аспектов: во-первых, понимания класса как профессии, во-вторых – как группы людей, обладающих определенной собственностью (класс как владение), и, в-третьих – как группы людей, обладающих влиянием. В целом политический класс следует рассматривать как субъект управления. Принимая во внимание выделенные аспекты, политический класс можно определить как группу людей, профессионально занимающихся политикой, обладающих материальными и интеллектуальными ресурсами, которые рассматриваются в качестве инструмента влияния в процессе управления. Например, Л. Эдингер и Д. Сеаринг дают следующее определение политической элиты: «Все политические системы более или менее стратифицированы и их элиты составляют меньшинства, которые играют стратегическую роль в политическом процессе. Как находящиеся на таких ключевых позициях, они имеют гораздо больше влияния, чем массы в политических взаимоотношениях и политической продуктивности на различных уровнях принятия решений. Они имеют такое влияние благодаря их исключительному доступу к политической информации и позициям, а также их непомерно большому контролю над общественной политикой и средствами связи, которые связывают общество с политикой, а управляющих—с управляемыми. Обычно не превышая 5% членов политического сообщества, эти элиты не только гораздо лучше знают о внутреннем управлении,

подходящем для данной системы, чем остальные члены общества, но гораздо лучше могут придавать определенную форму и содержание тому, что требуется для управления на национальном или субнациональном уровне» [цит. по 9].

На основе сказанного можно предположить, что политическая элита может обладать или не обладать характеристиками политического класса. В России, например, политическая элита не обладает основными признаками политического класса. О профессиональном статусе представителей политического класса уже упоминалось. Что касается ресурса, то в первой теме уже отмечалось, что, по оценкам экспертов, российский политический класс не способен оперировать нематериальными активами, которые в современном мире подчас играют более важную роль, нежели материальные. Следствием подобного подхода к использованию материальных и нематериальных ресурсов является в том числе и отсутствие национальной стратегии, реализуя которую политический класс был бы способен оказывать влияние и осуществлять управление. Излишняя «озабоченность деньгами» [11] привела к тому, что представители политической элиты начали обслуживать собственные интересы, пренебрегая интересами народа, и утратила ресурс влияния. В результате эксперты-элитологи формулируют проблему «банкротства политической элиты России» [20]. Таким образом, элита способна стать политическим классом, если она несет ответственность, задает направление развития общества и собственной группы, а не просто «занимает» высокостатусные позиции.

В заключение необходимо отметить, что объем понятий политического класса и элиты как комбинации политической, бюрократической, военной, экономической и других элитных групп не являются идентичными. Как подчеркивает И.М. Бунин, «с точки зрения чистоты понятия в политический класс элиты конечно не входят. Они могут влиять, быть лоббистами, но с точки зрения чистоты – если они не участвуют в политике публично, если не избираются – они не входят в политический класс» [3].

Элита и лидерство. При анализе соотношения понятий лидерства и элиты возникают такие же сложности, как и при сопоставлении понятий «элита» и «политический класс». И обусловлены они существованием различных подходов к определению феномена лидерства, что приводит к размытости понятия. Что касается со-

отношения понятий, то как отмечает А.К. Магомедов [9], изучение политической элиты быстро соединилось с изучением политического лидерства. Уже в 1967 году, по словам Г. Пейджа, в ведущем американском политологическом журнале «American Political Science Review» слово «элита» стало превращаться в ключевой индекс концепции «лидерства». Этот сдвиг носил смысловой характер, а также был обусловлен изменениями в методах исследований, которые позволили сделать акцент на изучении отдельных личностей. Именно тогда термин «политическая элита» стал рассматриваться в качестве «социального подтекста лидерства». В итоге понятия «лидер» и «элита» воспринимаются как составляющие своего рода «двоичной системы», обозначая собой разные формы научной идентификации [9]. В современных исследованиях также сохраняется подобная двойственность. Российский политолог А.И. Соловьев рассматривает политического лидера в качестве важнейшего элемента политической элиты [19, с. 140].

В результате сложился так называемый «синонимический подход» к определению понятий элиты и лидера. Сторонники данного подхода рассуждали следующим образом: поскольку элитность означает занятие доминирующего положения в социальной иерархии, то лидерство – это то, что практикуется элитами. Для подобных рассуждений существовали основания как в практике политической жизни, так и в логике развития самой науки. В частности, как отмечает американский политический психолог Ст. Реншон, специализирующийся на изучении личности политических лидеров, интерес к проблеме лидерства в современной ситуации обусловлен, с одной стороны, возросшей ролью лидеров, а с другой стороны, появлением методов, позволяющих изучать лидеров [26]. Рассмотрим оба эти фактора.

Возрастающее влияние политических лидеров в жизни общества и государства может быть проиллюстрировано примером из политической истории России. Как отмечает генеральный директор центра политических технологий И.М. Бунин, в начале 90-х годов XX века в нашей стране появилась группа политиков обладающих харизмой. Другими словами, на политическую арену страны взошли люди, которые несли в массы идеи и демонстрировали возможность их реализовать. И общество шло за этими политиками. Таких политиков оказалось достаточно много. По отношению к элитным группам это бы-

ли зачастую «неожиданные люди»: выходцы с периферии, маргиналы [3]. Таким образом, это были принципиально новые люди для российского общества – лидеры, которые не входили в старую элиту, но которые заложили основы для формирования новой элиты. В результате, на определенном этапе развития российского общества и элитологии как науки гораздо более важной задачей стало изучение именно персоналий. Вероятно, данная задача более точно отражала особенности объекта исследования. Это были именно отдельные личности, обладающие лидерскими качествами и заложившие основы для формирования новой элиты, но пока еще не функционирующие в качестве структурного компонента элитной группы.

К такому выводу приводит анализ отношений элиты и лидера в качестве элементов единой двоичной системы. Эти отношения противоречивы и могут быть поняты посредством рассмотрения значения коллективизма и индивидуализма в качестве базовых структур взаимодействия элиты и лидера. Как подчеркивает японский ученый Н. Сусуму, в коллективизме (символе элиты) сходство между членами группы выражено открыто, а различия сокрыты. В индивидуализме же (символе лидерства), напротив, различия на фоне коллективизма – эксплицированы, а гомогенность – сокрыта [цит. по 9]. В то же время коллективизм характеризуется не только сходством, но и различиями на латентном уровне, а индивидуализм включает на этом же уровне и схождения. Коллективизм элиты, в свою очередь, строится на основе того, что Дж. Мейзел назвал правилом «трех «с»: группового сознания (мы – элита), сплоченности и того, что мы называем «солидарностью» в плане реализации коллективной воли [25, с. 4]. Таким образом, задача элиты состоит в том, чтобы стимулировать склонность к адаптивному и интегративному поведению, поддерживая разделяемые членами этой группы ценности. Лидерство, в свою очередь, побуждает стремление к постановке и достижению новых целей, при этом поддерживая ценности, интегрирующие общество. В результате происходит разделение функций, которое А.К. Магомедов обозначил следующим образом: «В то время как лидер "руководит", элита "правит"» [9], создавая социальную интегрированную среду, в которой будет действовать лидер, руководя инновационными проектами.

Можно ли говорить, что в России в 90-е годы XX века действовал подобный механизм взаимоотношений элиты и лидерства?

Ответ скорее должен быть отрицательным. В том, что касается группового сознания, то, как отмечает Н.В. Колесник, «российские элиты, за редким исключением, игнорируют понятие элиты, максимально дистанцируясь от него, и идентифицируя себя как «власть», «мы», «слуги народа» [7, с. 41]. Но с идентификацией непосредственно связаны и выполняемые элитой функции. Ощущение себя властью предполагает иные способы взаимоотношения с обществом, нежели самокатегоризация в качестве элиты. Другой характеристикой элиты на рассматриваемом этапе стала, согласно результатам исследований политолога В.Я. Гельмана, высокая степень ее дифференциации и низкая интеграция [4]. Воссоздание идеократической элиты, атрибутами которой являются снижение дифференциации и рост интеграции, стал период, начавшийся вместе с президентством В.В. Путина, когда в жизнь начала проводиться политика «навязанного консенсуса». Что же касается сплоченности и солидарности элиты, то согласно результатам уже приведенного нами исследования В.Я. Гельмана, в начале 90-х годов элита характеризовалась как разделенная в связи с конфликтом между президентом и парламентом. Более того, как отмечалось ранее, в соответствии с рейтингами 100 известных политиков состав политической элиты менялся слишком часто. При этом если имена политиков исчезали из рейтинговых списков, они туда не возвращались. В подобной ситуации говорить о культивировании интегрированной среды, построенной на основе разделяемых ценностей, было бы проблематично.

Таким образом, приведенные характеристики не позволяют говорить о существовании в России политической элиты в ее функциональном значении. Принимая во внимание, что лидерство является структурным компонентом политической элиты, то же самое можно сказать и о политических лидерах России в рассматриваемый период. Дело в том, что в термине «лидерство» заключена инициатива, являющаяся формой поведения, управления развитием в соответствии со стратегическими национальными интересами, формулируемыми элитой. Без элиты и сформулированных стратегических интересов нельзя говорить и о существовании лидеров в функциональном смысле.

Означает ли сказанное, что все лидеры принадлежат к элите? И что все представители элиты являются лидерами? На оба вопроса

ответ будет отрицательным [15]. Как было показано ранее, не все представители элиты являются лидерами, однако лидеры приобретают свой статус через взаимодействие с элитой. Вместе с тем, понятие «лидерство» распространяется на широкий круг явлений общественной жизни и является атрибутом людей, которые по структурно-функциональным и нормативно-ценностным критериям не принадлежат к элитам, например, лидер школьного класса или лидер рабочего коллектива.

В заключение необходимо рассмотреть влияние фактора развития науки, в частности психологии, на дифференциацию понятий «элита» и «лидер». Обычно психологи рассматривают личность как объект изучения и, как подчеркивает А.К. Магомедов, находят признаки лидерства, которые для таких политических субъектов, как элита, не всегда имеют высокую релевантность [9]. Вместе с тем, именно политические психологи на концептуальном уровне развели указанные понятия. Так, одной из составляющих работ советского политического психолога С.К. Рощина [17, 18] является разграничение исследований личности в рамках политической психологии на исследования, предметом которых является конкретная личность политического, общественного деятеля, и исследования, в которых изучаются представители тех или иных социальных и политических групп, обладающих определенными общими чертами. Другими словами, личность рассматривается в качестве участника, члена социальной группы и не позиционируется как лидер.

Выделение этих двух аспектов исследований в структуре внутренней политики позволяет развести изучение политического лидерства и политической элиты как специфической социальной группы. Однако при этом анализ публикаций по проблематике изучения личности в политике позволяет отечественной политической психологии говорить о том, что интерес исследователей в основном был связан с конкретными личностями политических и общественных деятелей зарубежных стран, но не политической элитой как социальной группой.

Подводя итог анализа соотношения понятий «элита» и «лидер», необходимо отметить важность совмещать изучение политических элит и политического лидерства как элементов единой системы. Мы не сможем понять до конца феномен политических элит

без исследования процесса лидерства в целом и состава политически лидирующих групп, в частности.

Таким образом, рассуждения, представленные в рамках данной темы, позволили выявить важные характеристики элиты как социальной группы и политического субъекта, а также сформулировать актуальные проблемы изучения элиты.

Примечания

1) Андреев Д. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.

2) Бейме К. Политические теории современности. Введение // Политология вчера и сегодня / отв. ред. Г.И. Иванов. М.: Изд-во АОН при ЦК КПСС, 1990. Вып. 2. С. 209 – 217.

3) Бунин И.М. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.

4) Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис, 2004. № 4. С. 52 – 69.

5) Грушин Б. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 24.12.2001.

6) Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: введение в американскую политику. М.: Юридическая литература, 1984. 320 с.

7) Колесник Н.В. Исследование российской элиты: в поисках теоретического основания // Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 38 – 62.

8) Крыштановская О. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 1.02.2004.

9) Магомедов А.К. Политическая элита и политическое лидерство: концептуальная динамика и проблема эволюции подходов // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: www.skags.ru

10) Мохов В.П. Элитизм как способ анализа властных трансформаций в России // Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 21 – 37.

11) Ослон А.А. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.

12) Панарин А.С. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 24.12.2001.

13) Подберезкин А. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 24.12.2001.

14) Политическая социология: учебник / под ред. Т.Ж. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДИАНА, 2002. 495 с.

15) Привалов А. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.

16) Ривера Ш.Т. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты: репутационный анализ // Полис, 1995. № 6. С. 61 – 66.

17) Роцин С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука, 1980. 303 с.

18) Роцин С.К. Политическая психология // Психологический журнал. 1980. Т. 1, № 1. С. 141 – 157.

19) Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.

20) Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 1.02.2004.

21) Bachrach P., Barats M. Decisions and Nondecisions: An Analytical Framework // American Political Science Review. 1963. № 57. P. 632 – 642.

22) Dahl R. Who Governs? New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.

23) Elites and Power in British Society / Ed. by Ph. Stanworth, A. Giddens. L.: Cambridge University Press, 1974. 261 p.

24) Hunter F. Community Power Structure: A Study of Decision Makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. 297 p.

25) Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the «Elite». Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. 432 p.

26) Renshon S. A. The Psychological Assessment of Presidential Candidates. N.Y.: Routledge, 1998. 515 p.

27) Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham: Chatham House Publishers, 1987. 542 p.

Вопросы для повторения

1) Дайте определение понятия элиты с точки зрения структурно-функционального и нормативного подходов? Как будут соотноситься между собой по форме и по содержанию элитные группы, выделенные с точки зрения данных подходов?

2) Перечислите основные подходы к определению состава элиты. Сформулируйте суть каждого из подходов, а также возможности и ограничения каждого из них.

3) Дайте определение понятия «политический класс». Как соотносится данное понятие и понятие элиты?

4) Прокомментируйте утверждение о том, что «лидер» и «элита» выступают как составляющие своего рода «двоичной системы».

Темы для письменных исследовательских работ

- 1) Структурные характеристики элиты в современной России. Особенности оппозиции.
- 2) Методы структурного и репутационного анализа: сравнение возможностей и ограничений методов при определении границ элитной группы в современной России.
- 3) Методы структурного анализа и принятия решений: сравнение возможностей и ограничений методов при определении границ элитной группы в современной России.
- 4) Методы репутационного анализа и принятия решений: сравнение возможностей и ограничений методов при определении границ элитной группы в современной России.
- 5) Политический класс в России: основные характеристики.
- 6) Портрет харизматического лидера прошлого или настоящего.

Тема 3. Элитизм как подход к анализу отношений в обществе. Основные направления изучения элиты в отечественной науке

Данную тему необходимо начать с рассмотрения понятий «элитаризм», «элитизм» и «элитология».

Элитаризм – это концепция, исходящая из того, что разделение общества на элиту и массу является обычным явлением и, более того, представляет собой атрибут цивилизованного общества. Отсутствие подобного разделения рассматривается как признак неразвитости общества. С точки зрения концепции эгалитаризма элита понимается в качестве страты, которая является достаточно закрытой.

Элитизм представляет собой близкое к элитаризму, но не тождественное ему понятие. Сторонники концепции элитизма также строят свои рассуждения на основе признания дихотомии «элита – массы». Вместе с тем, в отличие от концепции элитаризма, элита рассматривается как открытая группа для наиболее способных представителей неэлитных слоев, в том числе, и социальных низов. Более того, элита приветствует высокий уровень социальной мобильности в обществе. В качестве причины, обуславливающей со-

циальное расслоение, сторонники данной концепции называют неравные способности, которыми наделены члены общества. Они конкурируют между собой за получение статусных постов. Побеждают в борьбе за «элитные посты» те члены общества, которые более подготовлены к управленческой деятельности. Таким образом, элитисты рассматривают меритократический подход в качестве механизма формирования элитной группы, в отличие от «аристократического» подхода элитаристов. Вместе с тем, как отмечает Г.К. Ашин, меритократический подход к формированию элиты присущ также и представителям умеренных элитаристов.

Таким образом, согласно определению, сформулированному В.П. Моховым, «элитизм – способ существования дифференциации общественного пространства, проявляющийся через выделение властных социальных групп. Властная дифференциация есть одно из проявлений неоднородности в обществе; одновременно, элитизм – способ анализа данной неоднородности. Содержательное определение властной дифференциации зависит от исходных теоретических посылок, что определяет множественность существующих элитистских концепций» [22]. В соответствии с приведенным выше определением, элитизм охватывает не только политическую сферу общества, но и экономическую, социальную, духовную, информационную.

Элитология, в свою очередь, представляет более широкое понятие, объединяющее всех исследователей элиты, независимо от их методологических установок и ценностных предпочтений, включая и сторонников эгалитарной парадигмы, для которой наличие элиты – вызов фундаментальной ценности общества – равенству. Среди сторонников эгалитаризма выступают и так называемые «радикальные эгалитаристы», которые ратуют за полное имущественное и статусное равенство. Но значительно большее число эгалитаристов обосновывают допустимость определенной степени неравенства в соответствии со способностями и, главное, заслугами людей, их вкладом в развитие общества, то есть демонстрируют элементы меритократического подхода. Такому подходу к функционированию общества следовали умеренные эгалитаристы.

Какие теоретические предпочтения и подходы лежат в основе исследований отечественных элитологов? Как в исторической перспективе формировалась элитология в качестве самостоятельной

области знаний, предполагающей комплексное изучение элиты как социальной группы и субъекта политических отношений?

Как правило, своего рода рубежным этапом в становлении элитологии в нашей стране считают 80-е годы XX столетия, когда право на существование и получила концепция элитизма, признающая существование неравенства в обществе. Вместе с тем, верным является также и утверждение о том, что российский элитизм имеет длительную историю. Представители советских общественных наук оперировали термином «элита», но рассматривали последнюю как элемент функционирования капиталистического общества [1, 3, 9, 13, 15], особенно если это касается вопросов дисфункциональности высшей страты. В результате, как подчеркивает В.П. Мохов, в 50 – 80-е годы XX столетия наблюдается развитие советского элитизма, «...внутренняя эволюция советской элитологии в форме критики буржуазной элитологии» [23, с. 23]. В этой связи примечательна оценка состояния классической теории элиты в российском обществоведении Т.Н. Самсоновой в самом начале 90-х годов: «Труды элитистов на русский язык не переводились... Мало пока и серьезных исследований их творчества. Особенно не повезло Г. Моске, который по существу одним из первых поднял и проанализировал проблему политической элиты, оказав своими работами заметное влияние на последующее развитие политической науки и политической социологии» [30, с. 177]. На рубеже 70 – 80-х годов можно говорить о появлении собственного советского варианта элитизма, представленного работами Г.К. Ашина [4 – 6]. На первую половину 90-х годов приходится формирование элитистской парадигмы в России, результатом которой стало применение элитистской методологии в теоретических и прикладных исследованиях. Со второй половины 90-х годов осуществляется «институционализация элитологии как науки» [23, с. 23]. По различным проблемам элитологии в научной литературе опубликовано более 1000 работ, защищено более 50 диссертаций. Обзор диссертаций представлен в работе «Политическая элита России в прошлом и сегодня (обзор диссертаций отечественных политологов)» [27].

Развитие концепции элитизма в отечественной науке осуществляется в ходе обсуждения проблем, многие из которых носят универсальный характер и обусловлены существованием противоречивых подходов к определению сущности понятия элиты. Некото-

рые из них были рассмотрены в предыдущей теме. Другие проблемы определяются особенностями развития российской науки. Остановимся на некоторых из них.

Первая проблема, как ее обозначил К.Г. Ашин, состоит в кардинальном изменении парадигмы, в соответствии с которой осуществляется анализ отношений между различными социальными группами: от эгалитаризма к элитизму. «Этот поворот, – отмечает ученый, – часто интерпретируется как часть общего поворота от тоталитаризма к демократии. Думается, однако, что тут слишком много моментов, отражающих специфику именно российской ситуации конца XX века, чтобы можно было считать российский поворот к элитистской парадигме этого периода как подтверждение правоты гипотезы об общемировой смене парадигм в политологии. <...> Так может быть, учитывая исторический опыт, будет уместно предположить, что суждение о смене парадигм – определенное упрощение процесса развития современного российского сознания, может быть, подобный поворот – очередное шараханье из одной крайности в другую, столь характерное, к сожалению, для российской жизни?» – задается вопросом К.Г. Ашин [7]. Чтобы снять подобные сомнения, необходимо критически осмыслить проблему применимости концепции элитизма к анализу социальных и политических отношений в современном мире, в том числе и в России.

В отечественной элитологии можно выделить два основных подхода к поиску ответа на поставленную проблему.

Первый подход заключается в признании элитизма явлением универсальным. Данный подход строится на основе предположения о том, что элита существует в любом обществе, в котором существует социальная дифференциация, политическая власть, государство. Данный подход позволяет анализировать трансформации элит на протяжении всей истории государства, в том числе, и российского, и сформулировать общие закономерности развития элит. В соответствии с данным подходом, например, осуществлено исследование доктора политических наук О.В. Гаман-Голутвиной «Политические элиты России. Вехи исторической эволюции» [10]. В этом труде представлено концептуальное исследование генезиса политических элит России на протяжении фактически всей истории России от Киевской Руси до наших дней. При этом в работе проверяется предположение о взаимообусловленности мобилиза-

ционного типа развития российского общества и механизмов элитообразования.

Данный подход, несмотря на его широкое распространение, не может не вызывать критических замечаний. По мнению В.П. Мохова, «элита превращается в понятие такого высокого уровня обобщения, что теряется его собственная специфика» [23, с. 33]. Можно ли с уверенностью говорить о сопоставимости современной российской элиты, советской номенклатуры, аристократии периода российской империи и боярства? Или все-таки требуется пояснение значения понятия элиты применительно к конкретной исторической и политической эпохе? В результате может возникнуть ситуация, когда будет создан второй ряд понятий для обозначения рассматриваемых групп и «размывания» понятия элиты.

Второй подход – культурно-институциональный – сформулирован в работах А.В. Дуки и его коллег [28]. Исследователи рассматривают элиту как атрибут индустриального общества. Другими словами, применение понятия элиты для характеристики существования властных групп правомерно только в определенных социально-политических и исторических условиях.

Преимущество данного культурно-институционального подхода связано с преодолением ограничения предыдущего подхода. Рассматриваемый подход позволяет конкретизировать содержание понятия «элита» в конкретном историческом контексте. В свою очередь, критики данного подхода исходят из того, что элиты рассматриваются в качестве характеристики демократического общества с рыночным типом экономических отношений. Как отмечает В.П. Мохов, подобный подход «...придает идеологическую окраску понятию, связывая появление, существование и судьбу элит с западным обществом. Возникновение элит в других обществах возможно лишь в той мере, в какой они приближаются к западному по своим параметрам» [23, с. 34].

Существует немало аргументов и в пользу культурно-институционального подхода. Пожалуй, основной из них может быть обнаружен в становящейся все более актуальной дискуссии о трансформации элиты в постиндустриальном обществе. Ранее уже упоминалась словосочетание «восстание элит» для описания данного процесса [21, с. 23]. За яркой метафорой скрывается постановка серьезной проблемы: первые годы XXI века указывают на

кризис (идеологический, психологический, профессиональный, культурный), переживаемый не только элитой России, но и всего мира. Как подчеркивает в своей работе П.Л. Карабущенко, «элиты перестали справляться с вызовом своего времени, а это значит, что они должны уйти с исторической арены и уступить место элитам другого типа и другого принципа комплектования и функционирования. Тот вид элиты, который нынче господствует на планете Земля, в новых условиях наступающего постиндустриализма, обречен на физическое и духовное вымирание»[14]. Автор говорит о формировании нового типа элиты, который будет носить не демократический (как в период индустриального общества), а аристократический характер. При этом подчеркивается, что сам термин «аристократия» должен быть переосмыслен. Применительно к современной ситуации речь должна идти не о «родовой аристократии». «Аристократия» эпохи постиндустриализма должна пониматься как «симфония элитарного сознания, высокой профессиональности (образованности) и элитарной культуры (нравственности)» [14], учитывая, что информационное общество ориентировано на развитие личности и «высокие технологии», требующие наличия интеллектуальных и творческих способностей.

Сказанное имеет важное значение для развития элитологии в целом и концепции элитизма, в частности. Каждый исторический период характеризуется своими особенностями построения отношений между социальными группами, обладающими разным социальным статусом. И термин «элита», используемый для обозначения людей, находящихся на вершине социальной пирамиды, независимо от учета этих особенностей, позволяет зафиксировать только этот статус, однако не отражает ни специфических критериев для подобного статуса, ни механизмов восхождения по «социальной лестнице», ни особых черт данной группы. Подобное употребление данного термина обуславливает появление трудностей с определением понятия «элита», которые рассматривались в ходе предыдущей темы. Представители аристократии, которые занимают высокостатусную позицию «по рождению», существенно отличаются от членов элитных групп, представители которых сами создавали свои биографии и смогли занять лидирующие позиции в «обществе равных возможностей».

Иная ситуация возникает в условиях постиндустриального общества, когда традиционная элита уступает место интеллектуальной. На ведущее место в социальной иерархии выдвигаются университеты и культурные центры, связанные с корпорациями. Неотъемлемым признаком постиндустриального общества становится централизация знания в университетских центрах. При этом знание рассматривается в качестве источника инноваций в общественно-политические ориентации. Вместе с изменением характеристик элиты по-новому понимается и суть понятия демократии – как правления, одобряемого народом, но не как правление народа. Демократия – это политическая система, в которой партии борются за голоса избирателей, а массы в определенной мере воздействуют на политику, выбирая между конкурирующими элитами. Достоянные из народа могут пробиться в элиту, но в то же время элита представляет собой замкнутую касту. Вероятно, обладание знаниями, информацией и превращает эту группу в современную аристократию, определяет ее закрытость и получаемые привилегии. Однако в данной ситуации термин «аристократия» может вводить в заблуждение, вызывая проецирование характеристик элиты так, как ее описывали основоположники элитаризма В. Парето и Г. Моска, на современные элиты. Возможно, необходим новый конструкт для обозначения сущности этой группы, например, экспертократия [33].

Подводя итог рассмотрению культурно-институционального подхода, приведем пример из практики политической жизни России, который позволит подтвердить справедливость утверждения о том, что понятие «элита» может использоваться только в определенном историческом и социально-политическом контексте и даже, более того, применительно к данной стране. А.И. Неклесса, характеризуя современный российский политический класс, отмечает, что Россия, «... не создав общества модерна, одновременно впитала в себя элементы постиндустриальной культуры. <...> Однако в 1991 году произошла постиндустриальная контрреволюция, потому что основы построения постиндустриального общества сейчас во многом размыты в России. И мы, действительно, получаем ситуацию, когда у нас присутствуют элементы и сословного общества, и модернизационного общества, и постиндустриального общества. В этой ситуации политический класс <...> имеет сложный состав, и в нем происходят очень динамичные процессы, поскольку

группы противоречивые» [24]. В кратком социологическом словаре, выпущенном в 1988 году, элита определялась как «термин западной социологии» [16], то есть воспринималась как атрибут общества другого типа. Часто встречающиеся ссылки российских специалистов в области изучения элит в России на то, что «данное определение не применимо к современной российской ситуации», являются следствием особенностей формирования и функционирования элиты в нашей стране.

Специфика российской политической элиты отражена в тематике исследований. Назовем некоторые из них.

В обществах переходного периода особый интерес представляет проблема *трансформации элит*. В результате, в конце 80 – начале 90-х годов прошлого столетия ключевой темой исследований становится процесс рекрутирования элиты. При описании данного процесса используются два подхода: воспроизводственный и циркуляционный. Сторонники первого подхода рассуждают в терминах поверхностного обновления элиты, смены поколений представителей одной и той же элитной группы. С позиций данного подхода рассматривает трансформацию советской номенклатуры директор Центра стратегических исследований А. Пионтковский. Он полагает, что «... все, что у нас происходило, было сознательной операцией коммунистической номенклатуры по конвертации своей абсолютной власти в экономическую и политическую власть отдельных представителей этой номенклатуры. <...> Те, кто пережил (политики – *И.К.*) август 1991 года и 1993 год – это и есть та самая правящая коммунистическая номенклатура, немножко разбавленная новыми назначенцами» [26]. О. Крыштановская также подчеркивает, что выходцы из номенклатуры составляли костяк элиты, но они могли претендовать на первые роли только в регионах [17, с. 160]. По данным социологов, в период 1993 – 2003 годов коэффициент обновления региональной элиты не превысил 10 – 15%. На федеральном уровне – и того меньше, если не считать постоянные рокировки в российском правительстве, где практически одна и та же колода тасуется то вверх, то вниз, то в бок. При этом не произошло главного – формирования элиты на принципиально новом качественном уровне [32].

Сторонники циркуляционного подхода придерживаются точки зрения о существенных изменениях российской элиты. Среди них

могут быть выделены следующие направления трансформации. Во-первых, изменились механизмы рекрутирования элиты. Единственным каналом вхождения в советскую элиту было номенклатурное назначение. Новые характеристики российской элиты приобретались в ходе трансформации политической системы, и прежде всего, с появлением института выборов. Представителям номенклатуры в конце 80 – начале 90-х годов россияне не доверяли, тогда были популярны молодые, энергичные, разделяющие другие ценности политики, которые с уверенностью побеждали на выборах. Более того, в результате ухода представителей прежней элиты возник кадровый дефицит, который было необходимо восполнить. В период президентства Б.Н. Ельцина появилась «...разночинная по своему происхождению элита, рекрутированная из самых экзотических социальных групп и не имевшая серьезного управленческого опыта» [17, с. 160]. Появились люди, строившие карьеру по типу «большого скачка» [17, с. 160]. Еще одним механизмом рекрутирования, который действовал в рассматриваемый период, было привлечение на руководящие посты земляков и сослуживцев. По данным исследований российской элиты, проводимых сектором изучения элиты Института социологии РАН с 1989 года, «земляки главы государства» составляли 13,2% представителей элиты в первые два года президентства Б.Н. Ельцина и 21,3% в первые два года президентства В.В. Путина [17, с. 161].

Изменениям подвергся и состав элиты. Состав советской элиты был разнообразен и вполне соответствовал правилу, что элита должна представлять в миниатюре общество в целом. В элиту входили руководители промышленных предприятий, представители военной, культурной и экономической элиты. Осуществлялась «принудительная мобилизация» [18] в элиту рабочих, колхозников, представителей творческой интеллигенции, дипломатов.

Состав российской элиты отличается следующими особенностями.

Во-первых, сокращается число женщин, входящих в элиту. Если в ельцинской элите периода 1993 года женщины составляли 2,9% от общего количества представителей политической элиты, то в 2002 году – только 1,7%. Участие женщин в политике обусловило увеличение числа *гендерных исследований*. Интерес для исследователей всего мира представляет изучение мотивов участия женщин

в политике, формы политического поведения, женские избирательные движения [25, 31].

Таблица 1 [2]

**Социальный состав Верховного Совета СССР (1990)
и Верховного Совета РСФСР (1992),
% от числа депутатов**

Социальные группы	1990	1992
Руководители государственных и общественных органов	22	25
Руководители предприятий и их структурных подразделений	18	23
Инженерно-технические работники	35	36
Рабочие и колхозники	22	10
Другие группы	3	6

Таблица 2 [2]

**Социальный состав Государственной Думы
первого (1993), второго (1995) и третьего (1999) созывов,
% от числа депутатов**

Социальные группы	1993	1995	1999
Работники науки, культуры, искусства, образования	22	7	8
Работники исполнительных органов власти	20	6	13
Работники аппарата общественных организаций	12	7	12
Предприниматель	10	NA*	3,5
Работники сельского хозяйства	7	NA	NA
Работники правоохранительных органов	6	1,5	1,5
Инженерно-технические работники	5	7	1
Работники представительных органов власти	5	46	42
Работники СМИ	3	2	1
Военнослужащие	2	NA	NA
Рабочие	1	NA	NA
Другие группы	7	23,5	16

* информация по данным группам отсутствует

Во-вторых, состав политической элиты унифицируется. В элиту вошли мужчины в возрасте от 40 до 50 лет, только с высшим образованием. Рабочие, колхозники вообще никак не представлены.

В результате при обсуждении механизмов рекрутирования политической элиты вновь поднимается вопрос о квотировании. Некоторые социальные группы, в силу отсутствия необходимых ресурсов и, возможно, социальной активности, не могли бы победить на выборах. Но присутствие в Государственной думе представителей этих групп означает представление их интересов.

В-третьих, особенностью российской политической элиты является приход в эту группу субъектов экономики: собственников, совладельцев, руководителей, членов правления российских и совместных предприятий, корпораций, банков, акционерных обществ и т.д. Сравнение социального состава элиты в первые годы президентства Б.Н. Ельцина (1993 год) и в первые годы президентства В.В. Путина (2002 год) позволяет сделать вывод о том, что категория так называемых «ставленников бизнеса» увеличилась с 1,6% в 1993 году до 11,3% – в 2002 году [17, с. 161]. При этом необходимо отметить, что представители данной группы входили во власть не просто с целью представлять интересы своей социальной группы. Как подчеркивает Р.В. Рывкина, экономические субъекты образуют один из двух подклассов правящей элиты России [29]. И.М. Бунин, характеризуя современный политический класс в нашей стране, делает вывод, что предприниматели сознательно приходили в политику, рассматривая последнюю как сферу расширения своего влияния: «И у Бендукидзе, и у Березовского, и у Ходорковского – у всех была мечта стать политиком. <...> У нас в России не было четкой границы между политикой и делом, бизнесом. Политика и дело – они все были переплетены» [8].

Принимая во внимание сказанное, а также тот факт, что процесс трансформации российского общества характеризовался изменением экономических институтов, *экономическая элита* стала объектом исследований. В существующих работах по данной проблематике рассматриваются такие темы как социальный и социально-психологический портрет российского бизнеса, экономическое сознание данной группы, модели поведения, механизмы рекрутирования, влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ [11, 12, 19, 20, 29]. Отдельно рассматрива-

ется вопрос об использовании понятия «экономическая элита» применительно к российскому обществу. Например, Я.Ш. Паппэ к числу элитных групп относит только банкиров ввиду их консолидации и способности влиять на ценности и модели поведения в обществе [19]. Другого мнения придерживается Н.Ю. Лапина. Она полагает, что применительно к России второй половины 90-х годов употреблять понятие «экономическая элита» не корректно в силу того, что в России существует не экономическая элита, а отраслевые и региональные группировки [20]. Трудности по идентификации состава экономической элиты, вероятно, являются результатом противоречивых оснований для определения границ элитных групп с точки зрения различных подходов, которые обсуждались ранее.

Наконец, еще одна характеристика современной политической элиты связана с увеличением количества военных и представителей других силовых структур. По данным исследований российской элиты, проведенных сектором изучения элиты Института социологии РАН с 1989 года, категория военных увеличилась с 11,2% в 1993 году до 25,1% – в 2002 году [17, с. 161]. Среди возможных последствий милитаризации власти О. Крыштановская называет, во-первых, использование авторитарных методов управления, подчеркивая, что военная среда авторитарна, демократический стиль управления для нее неприемлем. Во-вторых, дальнейшее увеличение числа военных в органах государственного управления, что приведет к расстановке политических приоритетов в пользу безопасности и решения проблем армии. В-третьих, милитаризация элиты приведет к изменению механизмов ее функционирования, в основе которых лежит «корпоративный дух единения силовиков» [17, с. 177], а страна рассматривается как «поле оперативной работы» [17, с. 178]. Перечисленные характеристики властвования «милитократии» определяют актуальность изучения деятельности данной элитной группы в будущем.

В целом, подводя итог рассмотрению проблемного поля элитизма, необходимо отметить, что развитие элитологии в нашей стране происходит форсированными темпами, что связано с быстрым усвоением основных постулатов элитизма и применением их к новым сферам жизни и отраслям научного знания. Результатом ускоренного формирования проблемного поля стала явная неравномерность в развитии элитизма и элитологии в целом.

Примечания

- 1) Антонович И.И. Буржуазная социологическая теория: критический очерк основных направлений, концепций, категорий. Ч. 1: Этапы эволюции. Минск: Вышэйш. школа, 1980. 256 с.
- 2) Артемов Г.П. Политическая социология. М.: Логос, 2003. 280 с.
- 3) Ашин Г.К. Миф об элите и массовом обществе. М.: Международные отношения, 1966. 160 с.
- 4) Ашин Г.К. Парадоксы «американской демократии»: к вопросу о структуре политической власти в США // США глазами американских социологов: политика, идеология, массовое сознание / отв. ред. В.Н. Иванов, Ю.Н. Давыдов. М.: Наука, 1988. Кн. 2. С. 63 - 78.
- 5) Ашин Г.К. Политическая элита // Политика: проблемы теории и практики / под ред. С.В. Братчикова. М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1990. Вып.7. С. 22 – 37.
- 6) Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М.: Международные отношения, 1985. 256 с.
- 7) Ашин Г.К. Элитология как комплексная научная дисциплина – Режим доступа: <http://www.skags.ru>
- 8) Бунин И.М. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.
- 9) Винник Э.В. Теории «массового» общества и «элиты» в социологии ФРГ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1975. 28 с.
- 10) Гаман-Голутвина О. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. 415 с.
- 11) Дейнека О.С. Выступление на круглом столе «Российские элиты на этапе формирования гражданского общества» // Вестник политической психологии. 2002. №1(2). С. 18 – 19.
- 12) Дейнека О.С. Если мы такие умные, почему мы не такие богатые: ценностно-мотивационные особенности представителей политической и бизнес-элит // Вестник политической психологии. 2001. №1. С. 24 – 27.
- 13) Калашников Н.И. Правящая элита, бюрократия и государственная власть на современном Востоке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 24 с.
- 14) Карабущенко П.Л. Восстание элит и его возможные сценарии // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>
- 15) Кожевникова Г.А. Буржуазное государство и правящая элита современного капиталистического общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. 1972. 21 с.
- 16) Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988. 479 с.
- 17) Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия // Pro et Contra, 2002. Том 7. № 4. С. 158 – 180.

18) Крыштановская О. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 1.02.2004

19) Куколев И.В. Провинциальные аспекты политико-экономических элит // Власть, 1997. № 4. С. 40.

20) Лапина Н.Ю. Российские экономические элиты и модели национального развития. М.: ИНИОН РАН, 1997. 39 с.

21) Лэш К. Восстание элит. М.: Логос; Прогресс, 2002. 224 с.

22) Мохов В.П. Современный российский элитизм: трансформация проблемного поля // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

23) Мохов В.П. Элитизм как способ анализа властных трансформаций в России // Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 21 – 37.

24) Неклесса А.И. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.

25) Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы / под ред. Ф. Гардинера. М. Идея-Пресс, 2000. 312 с.

26) Пионтковский А. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 1.02.2004.

27) Пляйс А.Я. Политическая элита России в прошлом и сегодня (обзор диссертаций отечественных политологов) // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

28) Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

29) Рывкина Р.В. Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс, 1995. № 11. С. 35 – 43.

30) Самсонова Т.Н. Концепция «правлящего класса» Г. Моски // Социологические исследования, 1994. № 10. С. 176 – 187.

31) Силласте Г. Женские элиты России // Общественные науки и современность, 1994. № 1. С. 112 – 121.

32) Чернышов А., Барзилов С. Современная российская элита и провинциальная Россия: этапы реформирования // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>

33) Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 18.06.2006.

Вопросы для повторения

1) Дайте определение и соотнесите между собой понятия «элитаризм», «элитизм», «эгалитаризм» и элитология.

2) Сформулируйте суть универсалистского и культурно-институционального подходов к определению сущности понятия элиты. Сформулируйте аргументы в защиту и против каждого из подходов.

3) В чем заключается специфика воспроизводственного и циркуляционного подходов трансформации элиты? В соответствии с каким подходом проходило изменение политической элиты в нашей стране?

4) Назовите основные характеристики российской политической элиты. Из представителей каких групп рекрутировались ее представители. Сравните социальный состав советской и российской политических элит.

Темы для письменных исследовательских работ

1) Экономическая элита России: основные характеристики, роль в политическом процессе.

2) Военная элита России: основные характеристики, роль в политическом процессе.

3) Рекрутирование политической элиты России: механизмы, социальный состав.

4) Российские элиты в период президентства Б.Н. Ельцина и В.В. Путина: структура, социальный состав, механизмы рекрутирования.

5) Элитизма как универсальное явление жизни общества: аргументы «за» и «против».

6) Элитизм как характеристика индустриального общества: аргументы «за» и «против».

7) «Восстание элит» и «восстание масс»: критический анализ феноменов (на примере работ Х.Ортега-и-Гасет «Восстание масс» // Вопросы философии, 1989. № 3,4 и Лэш К. Восстание элит. М.: Логос; Прогресс, 2002).

Тема 4. Проблематика элиты в классических концепциях Г. Моски и В. Парето

Для осмысления процессов, происходящих на уровне современных элит, в том числе и для поиска ответа на вопрос, применимо ли понятие «элита» для категоризации групп, которые находятся на вершине социальной пирамиды современного общества, необходимо рассмотреть классические концепции элиты. К числу основоположников теории элиты могут быть отнесены итальянские ученые Г. Моска и В. Парето, наследие которых в значительной степени повлияло на их современника и последователя М. Вебера в Европе, а также представителей школы политического реализма в США Ч. Мерриама, Г. Лассуэлла, Г. Моргентау.

Понятие элиты. Основоположники классической теории элиты Г. Моска и В. Парето, не касаясь первоначальных причин ее возникновения, положили в основу современной политической стратификации различия, существующие между политически господствующими группами и массами, правящим меньшинством и политически зависимым большинством. Таким образом, они зафиксировали универсальное деление любой политической системы на элиту и массы, на иерархические отношения между управляющими и подчиняющимися. Однако констатация этого фундаментального факта политической и общественной жизни не предполагала деления общества на высших и низших. То обстоятельство, что при любых формах правления фактическая власть находится у правящего меньшинства, являлось для Г. Моски и В. Парето изначальной, «генетической» истиной» [6, с. 336]. И в свете современного видения проблемы элиты несомненно, что дуализм элиты и массы должен восприниматься как факт, не содержащий в себе какой-либо оценки

Политическая элита, в руках которой концентрируется власть, в любом обществе представляет собой *меньшинство*. Данной социальной характеристике уделяется особое внимание в фундаментальном научном труде Г. Моски «Правящий класс», в котором подчеркивается, что «...во всех человеческих обществах, достигших определенного уровня развития и цивилизации, политическое управление в широком смысле (административное, военное, рели-

гиозное, экономическое и моральное руководство) осуществляется всегда особым классом или организованным меньшинством» [6, с. 329]. Это означает, что в рамках любой политической системы осуществление власти, политического управления представляет собой функцию, к выполнению которой большинство населения не имеет доступа. С этой точки зрения, всякая политическая система является *олигархической* в этимологическом значении этого термина, то есть управляемой меньшинством. Элита может представлять собой социальную структуру общества в миниатюре, то есть представлять существующие социальные группы, однако от этого она не перестает быть меньшинством или олигархией.

Таким образом, на вершине политической системы общества Г. Моска видел организованное меньшинство, которое в научной терминологии В. Парето получило название политической элиты. Причем одним из компонентов, порождающих господство избираемых над избирателями, меньшинства над большинством, является организация. И тот, кто говорит об организации, уже закладывает базу для олигархии. К такому заключению приходит современник классиков элитизма Р. Михельс, исследуя партийную элиту и природу политической организации как основного средства стимулирования коллективной воли [1]. Как Г. Моска, так и В. Парето видят в элитах группы, которые либо непосредственно осуществляют политическую власть, либо занимают такое социальное положение, которое позволяет им влиять на практику властвования.

В предыдущих темах не раз поднимались проблемы изучения элиты, обусловленные существованием противоречивых подходов к пониманию сущности данной группы. Принимая во внимание сказанное, определенную ясность в научное понимание данной концепции вносит сама дефиниция этой социальной категории в том смысле, как ее понимали классики и какое содержание они в нее вкладывали. В научный оборот данный конструкт был введен В. Парето, который понимал элиту как людей, обладающих самыми высокими показателями в каком-либо виде деятельности. Это может быть элита ученых, но и преступников тоже. В своем фундаментальном труде «Трактат по общей социологии» он определяет в качестве предмета своих исследований «*правлящую политическую элиту*» [10], которая «прямо или косвенно играет значительную роль в управлении государством и политической жизнью» [8, с. 1423].

Структура элиты. В работах В. Парето и Г. Моски политическая элита рассматривается, как состоящая из нескольких социальных групп. В. Парето подчеркивает, что в обществе не существует единой страты, называемой «политическая элита». Скорее, «существуют различные страты, которые вместе составляют элиту» [9, с. 78]. Среди них могут быть названы: аристократии военных, духовенства, предпринимателей и плутократов. Стратификацию элитного слоя можно построить и по другому основанию – осуществлению властных функций. В. Парето выделяет в элите две страты: высшую страту составляет правящая политическая элита, а следующую за ней – неправящая элита, которая отличается высокими результатами в сфере своей деятельности, но не всегда обладает талантами, навыками, необходимыми для политической деятельности. Высшая страта, или политическая элита, по определению В. Парето, состоит из министров, сенаторов, депутатов, высшего офицерства, иначе говоря, «обладателей политических должностей» [8, с. 1424]. Он не детализирует дифференциацию внутри самой элиты, поскольку для него главная дихотомия «элита – массы».

Г. Моска более тщательно исследует правящее меньшинство, отмечая наличие в его составе политических организаций. Исследователь подчеркивает, что различные политические интересы обуславливают появление конкурирующих группировок внутри политического класса, вынуждают их вести жесткую борьбу за голоса избирателей из более многочисленных классов общества. Он допускает, что представительная система управления дает возможность многим социальным силам участвовать в политическом процессе и таким образом ограничивает чрезмерное влияние отдельных социальных групп, в частности, бюрократической прослойки государственного аппарата.

В первых изданиях работы «Правящий класс» Г. Моска рассматривает данный класс, как состоящий из правительственных чиновников. Однако позже он выделяет в составе правящего класса две страты: формальных представителей и исполнительный аппарат, который выступает в качестве посредника между высшим руководством государства и массами, обеспечивая стабильность общества на основе консенсуса. Последнее обстоятельство обусловило некоторые различия в концептуальном осмыслении элиты в концепциях ученых. В. Парето, исходя из реалий исторического

периода, считал, что состояние социального равновесия в обществе держится не столько на консенсусе социальных групп, сколько на силе. С точки зрения Г. Моски, правление элиты основано не только на силе и хитрости. Он допускает, что элита представляет интересы и стремления наиболее значимых социальных групп.

Проблема *социального состава элиты* затрагивает другой важный аспект ее концептуального осмысления в работах классиков – связь с обществом. С точки зрения Г. Моски, в качестве социальной базы элиты выступает средний класс, состоящий из государственных служащих, промышленников, ученых, интеллектуалов. Он также представляет собой важную составную часть управления обществом. Его значение настолько велико, что «любые моральные и интеллектуальные изъяны данной группы представляют серьезную опасность для политической структуры в целом» [6, с. 404].

С чем же связано такое значение среднего класса? Прежде всего, с тем, что к среднему классу относятся собственники. Собственность позволяет представителям среднего класса не зависеть от государства, а наличие материальных средств – культивировать в своей среде интерес к общественному благу. Именно из среднего класса выходят лидеры общественного мнения, парламентские деятели. Иначе говоря, средний класс выдвигает из своих рядов тех индивидов, которые способны не только формировать политические мнения и установки, но и оказывать влияние на большинство, не имеющее собственного мнения и готовое, не осознавая того в полной мере, следовать за элитой во взглядах и действиях. Таким образом, средний класс становится для Г. Моски «хребтом всех политических организаций» [6, с. 413], а его обнищание ведет к социальной и политической нестабильности.

Циркуляция элит. Следующей составной частью концепции политической элиты, а также самой теории политики ее основоположников является проблема, связанная с пониманием *процессов возникновения, упадка и смены элит*. Г. Моска и В. Парето объясняют данный процесс с позиций социально-психологических факторов и представляют его по-разному, но в рамках одной концептуальной схемы. Вероятно, предпочтение в плане научной глубины и целостности при рассмотрении данной тематики можно отдать В. Парето. Исследуя феномен новых элит, которые в ходе непрерывной циркуляции «возникают из низших слоев общества, достигают

высших, расцветают, а затем приходят в упадок, разрушаются и исчезают» [7, с. 134], он приходит к объяснению социальных изменений в обществе явлением движения между группами, что, собственно, и обозначает термином «циркуляция элит». В качестве главной причины такого движения В. Парето видит вырождение, деградацию составляющих элиты элементов. Следовательно, элита может существовать только при условии устранения данных элементов и ассимиляции новых. Процесс обновления элиты за счет новых элементов сопровождается привнесением определенных установок, чувств, склонностей. Таким образом, благодаря циркуляции «правлящая элита всегда находится в состоянии медленной и постоянной трансформации... течет, как река, никогда не являясь сегодня тем, чем была вчера. Время от времени возникают беспорядки, которые носят внезапный и насильственный характер. После этого новая правящая элита возобновляет свою медленную трансформацию. Наводнение стихает, река возвращается в свои берега, и это течение продолжается» [8, с. 1431].

Ученый связывает циркуляцию элиты с определенным чередованием, ритмом чувств, настроений, «которые мы наблюдаем в этике, религии, политике, подобно волнам, соответствующим циклам деловой активности» [9, с. 31]. Таким образом, понятие циркуляции элит используется В. Парето для объяснения социальной динамики, восходящей и нисходящей социальной мобильности. Исторический процесс развития социума как единого целого представляется им в виде циркуляции основных типов элит: экономической, военной, религиозной и политической. Находясь в состоянии динамического равновесия, социум колеблется около состояния равновесия, создавая социальные циклы. Течение конкретного цикла и определяется характером циркуляции элит [2].

Каждая из элит обладает определенными преимуществами и недостатками, их постоянная смена вызывается периодическими изменениями потребностей руководства обществом, «предложением и спросом» [8, с. 1426]. В результате этого в различные периоды развития общества в качестве социального лидерства выдвигалось духовенство, земельная аристократия, буржуазия, мелкопоместное дворянство, капиталисты-предприниматели. Однако, получив власть, элита становится негибкой, жесткой, недоступной. Как

только она становится замкнутой и тяготеет к самоизоляции, начинается процесс упадка элиты.

Процесс смены элиты может приобретать насильственный характер, подчас происходит революционным путем, нарушая социальное равновесие в обществе, ведет к ненужным и напрасным жертвам, самообману и обману народных масс. В. Парето доказывает, что социальные и психологические законы, действующие в правящей элите, неизменны и не зависят от того, кто составит ее костяк, стержень. Новая элита может быть и не лучше прежней, но на продвижение во власть тратится энергия людей, которая могла быть направлена на то, чтобы осуществить коррекцию действий элиты и сделать ее более открытой.

Важным структурным элементом элиты, играющим важную роль в процессе ее циркуляции, является *контрэлита*. В период утраты элитой политической власти, для сохранения своих статусных позиций она пытается использовать ужесточение законов, например, вводит различные ограничительные меры в виде таможенных тарифов на коммерческие операции. Подобные меры и возрастающая закрытость правящей элиты препятствует тому, чтобы лучшие представители буржуазии вошли в нее. В результате этого они уходят в контрэлиту. Нарождающаяся элита отличается железной дисциплиной, единством воли, самоотверженностью и героизмом, несет материальные затраты, чтобы создать свой печатный орган. Новая элита полна энергии и сил, а старая наоборот – выработалась; новая элита провозглашает принцип классовой борьбы, а старая «провозглашает солидарность... склоняет голову» [9, с. 83].

Рассматривая причины возникновения контрэлиты, В. Парето делает вывод, что социализм буквально вырастает на плечах буржуазии, занимающейся разрушением себя как социальной группы. Саморазрушение еще усугубляется и тем, что властвующая элита в демократических странах не может противостоять соблазнам материального характера; как подсолнух к солнцу, так и элита поворачивает голову туда, где видит материальную выгоду. Старая элита испытывает трудности при выработке новой идеологии, используемые ею идеи слабо влияют на политическое поведение сторонников и масс в целом. Тем временем новая элита нашла верный способ влияния на массы и выступает от имени угнетенных, объясняет свою деятельность благородными мотивами помощи обездолен-

ным, борьбой за общественное благо, «защитой слабых, робких от могущественных и сильных» [9, с. 40].

Таким образом, проблема циркуляции элиты рассматривается В. Парето в контексте двух основных проблем: как с точки зрения процесса циркуляции индивидов между элитой и не элитой, так и замены одной элиты другой. При этом циркуляция элиты рассматривается в непосредственной взаимосвязи с проблемой социальной мобильности в обществе.

Г. Моска также рассматривал политическую жизнь с позиций циркуляции элит. Однако циркуляция элит в его понимании нечто большее, чем просто продвижение талантливых индивидов из низших классов. Скорее, это процесс, посредством которого совершенно новые социальные интересы и новые социальные группы выражают себя в общественной жизни. В качестве отправной точки социальной мобильности он рассматривает процесс, когда «внутри низших классов обязательно формируется еще один правящий класс, и часто этот новый класс находится в антагонистических отношениях с классом, который обладает законным правом на правление» [4, с.55]. Таким образом, он признает ту форму циркуляции, которая заключается в борьбе между элитами и замене старой элиты на новую.

В то же самое время Г. Моска выделяет и другую форму циркуляции, состоящую в обновлении находящейся у власти элиты за счет проникновения в нее выходцев из низших слоев общества. Он приходит к выводу о существовании мобильных и немобильных обществ, исходя из критерия открытости элиты. Оценивая современные ему демократические общества с этой позиции, Г. Моска не без преувеличения замечает, что «ряды правящих классов открыты. Барьеры, которые препятствовали вхождению в них индивидов из низших классов, либо сняты, либо понижены, и развитие старого абсолютистского государства в современное представительное позволяет почти всем политическим силам, почти всем социальным ценностям быть представленными в управлении обществом» [6, с. 474]. Но в отличие от В. Парето, Г. Моска видит причины трансформации элиты не в изменении ее психологических характеристик, а в возникновении новых общественных сил, поскольку «как только наметился сдвиг в равновесии политических сил, тогда и способ, каким формируется правящий класс, меняется

тоже. Если возникнет новый источник богатства в обществе, если растет практическая значимость знаний, если приходит в упадок старая элита и нарождается новая, если распространяется новый поток идей, тогда одновременно происходят и далеко идущие перемены в правящем классе» [6, с. 65].

Исследователь подчеркивает, что обновление или даже смену элит могут вызвать различные обстоятельства. Изменения в технологии производства, экономике, появление новых общественных движений, войны, миграции остро ставят вопрос о роли элиты в обществе. Чтобы социальный порядок общества не менялся, был устойчив, возникает необходимость обеспечить реализацию интересов тех групп, которые их формируют. Как и В. Парето, Г. Моска видит два характерных пути обновления элиты: динамичное, быстрое из-за глубокого разрушения социальной структуры в результате внутренней революции, иностранного завоевания, но «более часто это происходит через медленное и постепенное вхождение в элиту представителей из низших классов» [5, с. 210].

Рассматривая возникновение антидемократических (аристократических) тенденций в функционировании элиты, в числе негативных последствий данного явления Г. Моска называет чувство кастовости, развивающееся в замкнутой аристократической группе, чувство превосходства, которое заставляет забыть о долге перед обществом, стремление отгородиться от общения с людьми низкого происхождения. Последнее приводит к отказу замечать общие для населения страдания, стремления, симпатии, а также к неверному восприятию реальности, ложной благожелательности, неверным представлениям о природе человека. Такие искажения восприятия приводят элиту в состояние, когда она не способна оказывать какое-либо влияние на процессы психологического и духовного развития масс, происходит дистанцирование элиты и масс. Г. Моска приходит к выводу, что проникновение элементов из низших слоев общества в высшие «полезно, если происходит в должных пропорциях или при условии, что вновь приходящие сразу же ассимилируют лучшие качества прежних членов. И вредно, когда старые члены, так сказать, поглощаются и ассимилируются вновь пришедшими. В этом случае аристократия не пополняется. Она превращается в плебс» [6, с. 425].

Позволим себе проиллюстрировать сказанное выше примером из социальной жизни современной России. Социологи отмечают, что «слои, априори принадлежащие к элите, перенимают язык блатных людей, низов, асоциальных низов, криминальных низов и даже не замечают этого. Это становится их естественным. Наступает массовая культура, которая по определению более варварская, чем высокая культура» [3]. Историк В. Булдаков, в частности, подчеркивает: «Элиты не свободны от давления снизу, от давления культурной среды. Причем давления самого дурного и вульгарного. В результате проседания культуры какие-то традиционные архетипы начинают навязываться элитам» [3].

Несмотря на то что Г. Моска рассматривает влияние низших слоев общества на элиту как губительное, кристаллизация общества, когда различия между слоями обозначаются все сильнее и индивиды не имеют возможности изменить свой социальный статус, может привести к смене элит. Моска рассматривает относительную открытость элиты и классовой структуры западных демократий в качестве единственного пути к социальному прогрессу, стабильности в обществе.

Рассмотренные классические концепции элиты позволяют снять противоречия в понимании сущности понятия элиты, обусловленные существованием структурно-функционального и нормативного подходов. Возникновение и функционирование политической элиты, по выводам классиков, обусловлено психологическими качествами людей, а также развитием социальных сил, их способностью господствовать, навязывать свою волю. Политическая жизнь в обществе осуществляется в форме борьбы и смены разного рода элит: ранее господствовавшая элита постепенно теряет свои качества, которые помогли ей закрепиться у власти, она вырождается, перестает отвечать требованиям и выражать интересы господствующих социальных сил, уступая место новой элите. Другими словами, элита – это не просто люди, которые являются «лучшими» в какой-либо области или занимают статусные должности. Представители элиты способны наиболее полно выразить интересы социальных сил, поддержать стабильность в обществе. Элита рекрутируется из наиболее одаренных представителей низших слоев общества, процесс восходящей социальной мобильности поднимает их вверх, в ряды правящей элиты, а деградировавшие

члены правящей элиты в ходе обратного процесса пополняют массы. Циклы подъема и упадка составляют закономерность существования человеческого общества, степень мобильности индивидов и их групп влияет на продолжительность пребывания у власти правящего меньшинства.

Сформулированные классиками принципы формирования элиты не всегда «работают» в обществах современного типа. В западных промышленно развитых странах правящие элиты в основном воспроизводятся за счет представителей высших классов или высшего среднего класса. Теоретически путь наверх не закрыт и для представителей низших слоев общества, однако отсутствие необходимого экономического, политического и культурного капитала не позволяет реализовать данную возможность. Как отмечалось в предыдущей теме, российская политическая элита сформировалась из представителей советской номенклатуры – фактически, высшего слоя общества. Однако в период перемен элитные группы обновились за счет представителей других социальных групп.

Примечания

1) Левина М.И. «Железный закон олигархии» Р. Михельса // Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов / отв. ред. Л.Н. Верченков, Ю.И. Игрицкий. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1993. С. 131 – 161.

2) Плотницкий Ю.М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. М.: изд-во МГУ, 1992. 133 с.

3) Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 28.11.2004.

4) Bottomore T.B. *Elites and Society*. 5-th ed. Middlesex, England: Penguin Books, 1970. 160 p.

5) Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the "Elite"*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. 432 p.

6) Mosca G. *The Ruling Class*. N.Y.: McGraw Hill, 1939. 515 p.

7) Pareto V. *Les Systemes Socialistes* // Vilfredo Pareto: *Sociological Writings* / Ed. by S.E. Finer. Totowa: Rowman and Littlefield, 1966. P. 123 – 142.

8) Pareto V. *The Mind and Society*. Vol. 3: *Sentiment in Thinking (Theory of Derivations)*. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1935. P. 885 – 1432.

9) Pareto V. *The Rise and Fall of the Elites: The Application of Theoretical Sociology*. N.Y.: Bedminster Press, 1968. 120 p.

10) Pareto V. *Treatise on General Sociology* // Vilfredo Pareto: *Sociological Writings* / Ed. by S.E. Finer. Totowa: Roman and Littlefield, 1966. P. 165 – 183.

Вопросы для повторения

- 1) Дайте определение понятия элиты с точки зрения концепций Г. Моски и В. Парето.
- 2) Почему с точки зрения классиков-элитологов всякая политическая система является олигархической?
- 3) Как Г. Моска и В. Парето рассматривают проблему социального состава элиты?
- 4) Перечислите и раскройте суть основных механизмов циркуляции элиты.

Темы для письменных исследовательских работ

- 1) Концепция «политического класса» Г. Моски и ее применимость для анализа современного политического класса.
- 2) Политическая элита в России и ее характеристики с точки зрения теории политической элиты В. Парето.
- 3) Массы как субъект социально-политических отношений в обществе.
- 4) Феномен бюрократии.
- 5) Коммунистическая номенклатура и элита: знак равенства?
- 6) Массы – элита – лидер: триединство или самостоятельные феномены?

Тема 5. Элита – массы: механизмы реализации власти

В основе процессов формирования элиты, ее борьбы за власть, по мнению классиков элитологии Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, лежат особенности организации политической элиты. В своих работах Г. Моска только упомянул, что правящее меньшинство выделяется не только за счет определенных личностных качеств, но и за счет своей *организации*. В свою очередь, Р. Михельс сформулировал на примере партийной элиты фундаментальный социологический закон, в соответствии с которым «именно организация порождает господство избранных над избирателями» [2, с. 365]. Олигархическая природа правящего меньшинства сохраняется неизменной в ходе исторической эволюции обществ. Любая партий-

ная организация представляет собой олигархическую власть на демократическом фундаменте. А попытки «обуздать» олигархию путем разного рода профилактических мер, в том числе законодательного характера, заканчивались неудачей.

Р. Михельс объясняет феномен олигархии действием двух факторов: неизбежными изменениями «в психологии как руководителей так и самой организации» [2, с. 365]. Процессы разделения труда в обществе, анализируемые В. Парето, и дифференциация функций в партии, исследуемая Р. Михельсом, приводят к дистанцированию олигархического меньшинства (политической элиты) от масс. Тенденции профессионализации политической жизни делают политиков «несменяемыми» [2, с. 364].

Возникновение подобных тенденций, по мнению Р. Михельса, во многом определяется природой политического руководства: функцией социального лидерства и рядом автоматически приобретаемых привилегий. Он считает, что дистанцирование руководства происходит по мере овладения им теми ресурсами лидерства, которыми не обладают массы. Среди них необходимо отметить: доступ к значительным объемам информации, контроль за средствами коммуникации, оплачиваемые должности, которые позволяют повышать свой интеллектуальный уровень, совершенствовать политические навыки. Сама природа политического руководства изменяет тип личности настолько сильно, что даже политики, которые вышли из рабочей среды, теряют связь со своим классом, забывают о чувстве солидарности.

В случае возникновения угрозы авторитету элиты со стороны других претендентов на властные посты, она становится агрессивной и, не колеблясь, готова пойти (и идет) на нарушение демократических прав большинства, а по заключению Г. Моски, и на преступление. В конечном счете, поведение элиты будет предопределять *бюрократический консерватизм*: стремление сохранить за собой должность, а не приверженность какой-либо идеологии. Поскольку природа общественной жизни чрезвычайно сложна и в обществе возникает множество центров с различными интересами, отражать все эти интересы, по мнению Р. Михельса, в современных представительных органах власти невозможно. В подобных ситуациях наиболее очевидно стремление элиты выдавать свои желания за «волю масс» [2, с. 77].

Исследования Р. Михельса свидетельствуют об имманентности целого ряда *социальных деформаций или патологий* для политической элиты в целом. Изучая проблему психологической трансформации политических лидеров, он приходит к выводу, что апатия масс к участию в политическом управлении уравнивается «природной жаждой власти у лидеров» [2, с.205]. Ученый формулирует в качестве очевидных психологических законов то, что осознание своей власти всегда порождает у элиты тщеславие, веру в собственное величие, желание господствовать становится всеобщим. Элита начинает идентифицировать себя не только со всей партией, государством, но и имеет определенные притязания на их собственность. Р. Михельс рассматривает данное явление в качестве общего как для партийной, так и для правительственной элиты: финансовые вознаграждения, доходные места распределяются тем, от кого требуется лояльность, но, если проявляется непокорность, индивидам отказывается в сколь-нибудь значительном продвижении. В подобной ситуации «осуществление власти вызывает глубокие и неизгладимые перемены в личности» [2, с. 206], элита начинает рассматривать власть в качестве своего неотчуждаемого ресурса. Перечисленные характеристики элиты усиливают формирование олигархических тенденций. Таким образом, психологический детерминизм составляет основу власти элиты

В истории современных ему демократических и революционных партий, профсоюзов Р. Михельс видит немало черт, родственных явлению бонапартизма, когда поддерживаются иллюзии народных масс в том, чтобы чувствовать себя господами над первыми лицами государства, а видимость процедуры передачи мандата управления широким массам народа придает этому заблуждению правовой оттенок. Определенная терпимость к тирании со стороны, казалось бы, избранных демократическим путем вождей объясняется и другими историческими и психологическими причинами: массы достаточно терпимо относятся к господству меньшинства, если каждый индивид имеет возможность однажды занять властные посты, войти в элиту. Аналогичный процесс происходит и в среде партийной элиты: власть партийной верхушки, в которую потенциально может войти каждый, не воспринимается как угнетающая.

Таким образом, приходит к заключению Р. Михельс, в условиях демократии вожди обосновывают свое право командовать и управлять, опираясь на принципы всевластия масс. Они как бы говорят: «Мы – такие же как вы. Мы тоже вышли из народа. И каждый из вас, обладая желанием и необходимой компетенцией, может стать частью правящего меньшинства». Действительно, демократическое общество формально не вводит ограничений, не определяет границы тех групп, из которых будет ректурироваться элита. Данное обстоятельство вызывает у каждого из нас иллюзию, что мы не принадлежим к правящему меньшинству просто потому, что у нас другие цели в жизни, другой профессиональный и карьерный выбор. Но при желании мы могли бы стать политиками, например, создать и возглавить собственную партию.

Вместе с тем, сама по себе демократическая процедура формирования органов власти, практика выборов и перевыборов политического руководства, осуществляемые под влиянием сильной обработки сознания избирателей, использовании различных способов навязывания идей, формируют у будущих вождей партий, профсоюзов характерный образ мышления. В частности, они рассчитывают не только на послушание масс, но и на полный отказ от критики, так как в глубине души они уверены, что возвышаются над критикой коллег. Они не в состоянии привыкнуть к тому, что должность и звание не подразумевают более снисходительного отношения. Психологические изменения, происходящие в сознании политического руководства государства или партии, особенно заметны, когда «подчиненные» вызывают гнев управляющих. Если массы не считаются с мнением ими же избранных вождей, их упрекают в нарушении этических норм поведения. Как один из моментов манипуляции сознанием, Р. Михельс рассматривает то обстоятельство, что политическое руководство всегда представляет свои действия в качестве законных и согласующихся с правом, а выступления недовольных оппонентов – в качестве противоречащих всем социальным нормам. Им приписываются цели подрыва дисциплины, что на языке самих функционеров означает подстрекательство против власти.

Психологические трансформации политического руководства проистекают и из сложившейся традиции, из уверенности вождей, членов политической элиты в своей незаменимости, позволяющей

при малейшем колебании доверия угрожать отставкой, «ссылаясь на усталость, но в действительности они стремятся доказать оппонентам необходимость своего руководства» [2, с. 82]. С другой стороны, значительную роль играет и равнодушие большинства членов партий и профсоюзов к решению повседневных вопросов (эта функция охотно предоставляется правлению), а также потребность опереться на сильную волю вождя. Данные свойства присущи, по мнению Р. Михельса, всем народам, и их интенсивность колеблется в зависимости от национальных особенностей, но все-таки свое высшее выражение они находят в характере немцев. И здесь присутствуют все элементы, необходимые для возникновения неограниченной власти вождя, такие как склонность к подчинению, вера в непогрешимость, авторитет. Подобные качества свойственны и русскому национальному характеру.

В качестве второй составляющей олигархии Р. Михельс видит самую *природу организации*. При этом влияние данного фактора настолько универсально, что, сравнивая политические цели и тактику ведения борьбы за власть революционного рабочего движения с политической практикой правительства, Р. Михельс не видит принципиальных различий: совпадает терминология, аргументация идет либо в пользу защиты партии, либо государства. Г. Моска также подчеркивает, что тактика контрэлиты, борющейся за признание ведущей роли в обществе, мало чем отличается от методов реализации власти, используемых правящей элитой. Чаще всего это тактика демагогической пропаганды, заигрывания с массами, откровенной лести, использования грубых инстинктов, предрасудков. Исследователь сформулировал общую тенденцию: если индивид обладает властью, способной заставить других выполнять его волю, контролирует распределение духовных и материальных благ, «он всегда будет деспотом над другими собратьями. Сколько бы ни ограничивали его законы и правила, он всегда будет использовать их к своей выгоде» [4, с. 284].

Принцип организованности можно считать неперенным условием борьбы за власть. Но, по выражению ученого, здесь мы избегаем Сциллы, чтобы попасть к Харибде, поскольку это необходимое условие таит в себе опасность, которая проявляется в неизбежном перерождении в олигархию. Анализируя историю, Р. Михельс не видит никаких данных в пользу того, что власть

олигархии может быть сломлена: независимость вождей растет вместе с их незаменимостью, даже такие радикальные средства, как конституирование в качестве центра переговоров постоянного массового собрания и устранение отдельных лиц из правления профсоюза или партии, не давали желаемых результатов. Он не видит разницы и подчеркивает сходство в искусстве управления и манипулирования социальным окружением партийных и государственных деятелей, которые находятся в полной зависимости от государства и преуспевают в превращении некогда непримиримых противников режима в самых ревностных его защитников.

Рассматривая аналогичные вопросы, Г. Моска исходит из того, что эволюционные процессы в обществе характеризовались на протяжении всей истории не столько борьбой за существование, сколько борьбой за господствующее положение, «борьбой за превосходство» [4, с. 29]. В современных обществах стремление к превосходству над другими обозначилось в качестве постоянной и характерной особенности существования всех индивидов: наиболее проникательные и энергичные, считает Г. Моска, будут пытаться одержать победу в борьбе за более высокий социальный статус, который обеспечивает принадлежность к политической элите. В качестве основного требования для этого он рассматривает способность к усердной, кропотливой работе, а Р. Михельс добавляет большую физическую выносливость, поскольку работа на руководящих должностях требует огромного физического и морального напряжения. На второе место Р. Михельс ставит амбиции. При этом, однако, он отмечает, что перечень способностей, требуемых для вхождения в элиту, не является постоянным, а зависит от конкретной ситуации. В обществах рассматриваемого им периода на первое место выступали способности убедить окружение в своем превосходстве. Фактически речь шла о саморекламе. Г. Моска сожалеет об этом факте, так как ранее самореклама со стороны претендента на политическое лидерство была невозможна и воспринималась негативно коллегами и последователями. Однако в современных условиях отказ от нее равносителен потере шанса занять желаемый политический пост. Умение управлять впечатлениями, быть разным, рассматривается современными политологами и политическими психологами в качестве одного из профессионально важных качеств политика.

Определенные возможности для включения в элиту Г. Моска и В. Парето связывают с обладанием научными знаниями, лишенными религиозной ауры, а также практическим складом ума, личной известностью, высокими должностями в основных социальных институтах. Как бы там ни было, в конечном итоге Г. Моска приходит к заключению, что элита правит страной не потому, что состоит из людей, являющихся самыми лучшими в моральном и интеллектуальном отношении. Скорее, она объединяет тех, кто наилучшим образом подходит именно для управления страной: «Те, кто занимает высшие посты, почти никогда не самые лучшие в абсолютном смысле» [4, с. 453]. Будучи политическим реалистом, он также реально подходит и к требованиям в отношении моральных качеств политического руководства, мотивируя свое сдержанное отношение тем, что легко рассуждать абстрактно о порядочности и выступать против коррупции, когда материальное положение у самих критиков незавидно, а роскошь – вообще вне пределов досягаемости. Необходимо учитывать, подчеркивает ученый, что «продвижение по социальной лестнице – это кризис, который лечит болезни, имевшиеся у человека прежде, но и создает новые» [4, с. 63]. Таким образом, он считает вполне приемлемым, если политическое руководство страны не будет по своему моральному уровню ниже общественной морали, сложившихся социальных норм, сможет привести в соответствие личные и общественные интересы, избежит крайностей в поведении и поступках.

Определенные издержки при формировании политической элиты связаны с психологией тех ее представителей, кто непосредственно решает вопросы *рекрутирования* в ее ряды новых членов. Г. Моска связывает деятельность по отбору кандидатов в элиту с функционированием организованных меньшинств в виде различных парламентских групп, общественных комитетов, интересы которых «часто расходятся с интересами общества» [4, с. 284]. Более того, при определении высших руководителей политический класс Г. Моски в значительной мере является пленником тех идей и принципов, которые у него сформировались в отношении самой концепции руководства за годы пребывания у власти и прошлого опыта. В связи с этим нельзя не учитывать, что суждения о кандидатах в элиту всегда будут отмечены печатью субъективизма. Претендент будет рассматриваться через призму тех интеллектуальных

и моральных качеств, установок, взглядов, которыми обладает сам селекторат; неизбежно будут присутствовать и мотивы личной заинтересованности, классовой солидарности. Любая элита выстраивает систему социальных барьеров, своеобразных защитных механизмов, чтобы обезопасить себя от нелояльных элементов и создать возможности для передачи своих социальных позиций по наследству. Даже в демократических государствах президенты говорят о своих последователях, обозначают проблему преемственности власти. Наиболее полно и предельно ясно эту мысль провел Р. Михельс, когда отметил, что продвижение по служебной лестнице в профсоюзах и партии лежит через сохранение прав олигархии, защитные механизмы которой «не позволят пройти никому, кроме слуг в ливреях ... амбиции молодежи должны быть поставлены на службу и удовлетворять олигархию» [2, с. 181].

У партийной элиты ярко проявляется тенденция к самоизоляции, кастовости, стремление отгородиться стеной от массы сподвижников, через которую пропускают только тех, кто имеет «сходный образ мыслей» [2, с. 126]. Забота прежде всего о сохранении своих интересов и приоритетов приводит к тому, что члены элиты, даже наделенные большим умом и проницательностью, руководствуясь эгоистическими мотивами, могут предпочитать людей посредственных и недалеких, так как они обычно действуют более осмотрительно и рассудочно, «вызывают меньше зависти и дополняют их способности» [4, с. 407]. При выдвижении на высшие должности селекторат обычно руководствуется принципом старшинства или выслуги лет.

С одной стороны, Г. Моска видит существенные изъяны в данном подходе, так как в этом случае отсутствуют качественные критерии отбора, претенденты не ориентированы на раскрытие творческого потенциала. Именно таким образом аппарат управленцев становится прибежищем для бесталанных. Талантливые и перспективные претенденты не будут заинтересованы в реализации себя на работе, они будут отдавать деятельности по политическому управлению лишь часть своего времени и таланта, причем далеко не самую лучшую часть. С другой стороны, по мнению классиков, нельзя полностью ликвидировать все социальные барьеры, устранить все формальные критерии при рекрутировании претендентов на политические должности, так как это приведет к огромным затра-

там энергии и человеческих ресурсов для достижения, в конечном счете, только личных целей, без адекватной выгоды для общества. В этой связи Р. Михельс отмечает: чем меньше срок пребывания политика в должности, чем чаще сменяемость назначаемых членов элиты, тем скорее «каждый, кто приходит к власти, думает главным образом о том, чтобы выгодно использовать ее, пока он ею обладает» [2, с. 124].

Механизмы властвования элиты рассматриваются также и в концепциях классиков элитизма Г. Моски и В. Парето, однако концепция власти является составной частью теории политической элиты. Понятие власти у элитистов тесно связано с другими концептами, такими как *сила, влияние, манипулирование*.

В. Парето связывает власть элиты с достижением социального равновесия в обществе путем использования силы и хитрости. Для него она заключается в искусстве управления, в воздействии на поведение индивидов через чувства, в подавлении неблагоприятного для целей элиты психологического типа индивидов. Практика власти – манипуляция, использование одних индивидов другими в собственных интересах. По его заключению, политическая элита у власти, как правило, склонна использовать силу, чтобы сохранить контроль над ситуацией, и злоупотреблять ею для «обеспечения личных выгод и преимуществ, которые иногда связываются ими с выгодами и преимуществами для партии и, почти всегда, выдаются за выгоды и преимущества для страны» [5, с. 1608]. В свою очередь, Г. Моска объясняет господство меньшинства над большинством способностью принуждать других к выполнению поставленной задачи, устанавливая распределение материальных и духовных благ.

Кроме личностных характеристик основу власти элиты создает легитимность, которая, в свою очередь, строится на основе принципов, рассматриваемых в данном обществе как дающие право управлять. Для легитимации своего пребывания у власти правящая политическая элита, с точки зрения В. Парето, использует идеологию, или «политическую формулу, по терминологии Г. Моски. Аналогичный подход находим и у Р. Михельса. Он подчеркивает: «Каждое правительство старается поддержать свою власть общим этическим принципом. Политические формы... принимают филан-

тропическую маску» [2, с. 55]. Классики особо подчеркивают тот факт, что массами в политике движет не разум, а чувства.

Г. Моска более детально рассматривает механизм реализации власти элиты посредством реализации «политической формулы», в основе которой заложены моральная и правовая власть политической организации общества с использованием исторической памяти масс, чувств, традиций, лояльности династии. Однако при этом, как подчеркивает исследователь, политическая формула должна отвечать «реальным потребностям социальной природы человека» [4, с. 71]. Г. Моска отмечает, что ее реализация должна идти через доктрину, которую необходимо адаптировать к историческому моменту, чтобы удовлетворять как можно больше желаний и скрытых страстей, чувств. Для целенаправленной и постоянной пропагандистской деятельности необходимо иметь хорошо организованное ядро – исполком, члены которого должны полностью посвятить себя этой деятельности.

До сих пор мы уделяли внимание характеристикам правящего меньшинства, которые позволяют им осуществлять властные функции. Вместе с тем, как отмечалось ранее, понятие «элита» рассматривается классиками элитологии в непосредственной взаимосвязи с понятием «массы». Р. Михельс, изучая вопрос о механизмах реализации власти элитой, обращает внимание именно на особенности *масс*. В частности, он исходит из тезиса о невозможности непосредственного господства масс, выражения и осуществления воли народа. Р. Михельс, упоминая ряд попыток передать принятие политических решений народу, подчеркивает, что массы, подверженные законам массовой психологии, в большей степени действуют под влиянием искусных ораторов. Ораторское искусство – одно из условий суггестивного воздействия: «Массы, возбужденные властью оратора, гипнотизируются» [2, с. 99] и ассоциируют себя в течение длительного периода времени с ним настолько, что видят в вожде идеализированное отражение своего «Я». Восхищение оратором означает, по существу, восторг перед самим собой. Искусный политик подчиняет массы своей воле, и они теряют чувство ответственности, легко принимают необдуманные решения. Обратной стороной веры в политических вождей, по выводам Р. Михельса, является пассивность и неспособность масс продолжить начатую акцию, когда правительству удастся устра-

нить вождя. Массы не обладают способностью к инстинктивной реорганизации. Изложенное выше позволяет сделать ученому вывод о том, что от масс трудно ожидать адекватного реагирования на действия элиты по реализации власти.

Анализируя власть вождей, Р. Михельс исходит из предположения, согласно которому необходимое условие классовой борьбы – классовое сознание – формируется медленно и возникает под влиянием представителей классов, принадлежащих к уходящей в прошлое экономической системе. Однако сам пролетариат связан с буржуазией тесными узами: как правило, его движения возглавляли выходцы из буржуазии, но природа власти этих вождей носит такой же олигархический характер, как и у вождей буржуазных партий. Р. Михельс доказывает, что неограниченная власть вождей демократических партий теоретически обусловлена волей масс.

Партия как организация не может обойтись без вождей, но может заменить их. В связи с этим для лидеров, находящихся у власти, индивиды, которые стремятся к власти, представляют реальную опасность. Они, как правило, допускаются прежними вождями к рычагам власти, но лишь на «второстепенные должности, которые не дают им возможности оказывать значительное влияние» [2, с. 182]. Для предотвращения союза между массами и стремящимися к власти новыми лидерами старым вождям приходится заигрывать с массами, как бы выполняя их волю. Средством в этой борьбе становится подчас и демагогия, а секрет успеха нередко зависит от умения подчинить импульсивность масс своими выверенными действиями.

Почему это становится возможно? Потому что у элиты есть ресурс, которым зачастую не обладает подчиняющееся большинство – *информированность, знания*.

Р. Михельс прямо указывает, что «некомпетентность масс... служит для оправдания господства вождей» [2, с. 113]. В. Парето связывает информированность в целом со знаниями, а Г. Моска подчеркивает важность обладания специальными знаниями, только в этом случае индивиды могут претендовать на социальное лидерство. Обладание информацией, по Р. Михельсу, обеспечивает осознание лидерами своей незаменимости: «Принципиальные средства господства базируются на большей профессиональной выучке» [2, с.109]. В концепции В. Парето связь обладания властью с распоря-

жением информацией вытекает из понимания логических и нелогических поступков. Знание формирует представление о реальности. И элита использует разного рода когнитивный инструментарий, чтобы формировать у масс выгодные ей представления о реальности. Применение знаний позволяет элите не прибегать к силе в политическом управлении. В. Парето полагает, что подвластные также обладают информацией, но их знание нерационально, и это мешает им видеть свой интерес в любом политическом действии.

Подводя итоги рассмотрения и анализа классических работ по теории политической элиты в трудах Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, можно говорить о том, что в научном наследии классиков сформулирован новый подход к социальной стратификации. Экономические концепции класса, занявшие господствующее положение в общественной науке в конце XIX века после того, как были сформулированы К. Марксом, предопределили экономический подход к социальной стратификации, выделив в качестве главного критерия наличие (отсутствие) собственности. По аналогии с данным подходом возникла политическая концепция стратификации, главным критерием которой выступает власть. В связи с этим современная стратификация рассматривается в качестве простого различия между политически господствующими группами и массами, между правящим меньшинством – олигархией – и политически зависимым большинством.

Базовыми теоретическими конструктами концепции политической элиты выступили понятия правящего меньшинства, правящего класса, политического класса, элиты, олигархии, политической формулы, циркуляции элит, «железного закона олигархии». Основной теоретический вклад основоположников теории политической элиты связан с их попытками выделить характерные черты господствующих групп, описать процесс, посредством которого формируется состав и структура элиты. В «Окончательном варианте теории правящего класса» Г. Моска особо подчеркивал важность исследования различных типов организации правящего меньшинства и связывал его с «изучением различных методов, с помощью которых рекрутируются правящие классы, критериев, используемых для включения и недопущения в свой состав индивидов» [3, с. 388].

Наследие классиков-элитистов воспринимается как критическое осмысление негативных процессов в практике формирования и властвования элиты в период расширения демократических прав и свобод в ряде западных обществ, как критика дисфункциональности политической сферы в новых исторических условиях. Но это была та критика, которая призвана «лечить» социальные болезни, которая предназначалась стать руководством к действию для аппарата политического управления. Их выводы и рекомендации базируются на реальных процессах в современных исследователях демократических обществах, свидетелями которых они являлись. Определенный пессимизм, характерный для Г. Моски, В. Парето и Р. Михельса, связан с тем, что, являясь политическими реалистами, они не могли не заметить существенную разницу между декларируемыми политическими ценностями, идеалами и фактической реализацией их в жизни обществ.

Заложенные в творческом наследии классиков-элитистов традиции социальной критики позволяют говорить о том, что в качестве пути общественного развития они рассматривали достижение социального равновесия путем оптимального сочетания аристократической и демократической тенденций в формировании правящих групп, а также рационального сочетания таких технологий управления как сила и хитрость, «кнут и пряник». Укоренившееся мнение о Г. Моске, В. Парето, Р. Михельсе как сторонниках силовой модели власти может быть поставлено под сомнение, если вспомнить о выделении каждым из них в разной степени ее манипулирующей составляющей. Манипулирование общественным сознанием через идеологию, политические формулы, информацию, искусство управления рассматривается классиками в качестве одного из главных способов и условий достижения стабильности общества, социального равновесия. Особенно показательным в этом плане позднее научное наследие В. Парето, когда он выделяет в качестве ресурса предотвращения социальных конфликтов и революций организационные возможности, связанные с дозированным перераспределением власти элиты – делегированием части ее полномочий из центра «на места». Как считает В. Парето, подобная политика в области организации управления снизила революционную активность масс, способствовала формированию альянса верхушечных слоев правящих групп и рабочего класса. Произошедшее в этом

случае своеобразное поглощение потенциального протеста привело к формированию нового типа элиты, которую можно типологизировать в качестве плутодемократической элиты демократического буржуазного общества периода конца 20-х годов.

Теоретические разработки классиков нашли свое дальнейшее развитие в трудах современных российских ученых. Например, А.И. Соловьев рассматривает четыре идеальные матрицы, каждая из которых по-своему форматирует символические представления человека, определяя нормы и образцы взаимодействия: миф, религию, идеологию и политическую рекламистику. Появление идеологии может быть отнесено к тому историческому периоду, когда третье сословие пришло в политику и попыталось использовать государственную власть для достижения своих интересов. Другими словами, использование идеологий было связано с появлением элиты как особой социальной группы и нового политического субъекта. Как было показано выше, основные функции идеологии состояли в том, чтобы, с одной стороны, помочь политической элите поддерживать «формализованные контакты с населением, опираясь на его поддержку» [1, с. 33]. С другой стороны, идеологические схемы служат средством отображения интересов управляемых. Идеология также выполняет мировоззренческую функцию. А.И. Соловьев подчеркивает, что идеологии «стали фактором социализации, обретения гражданской зрелости» масс [1, с. 32]. Таким образом, идеология стала тем инструментом, посредством которого осуществлялись взаимоотношения между элитами и массами.

Вместе с тем А.И. Соловьев полагает, что идеология как инструмент построения коммуникации между элитой и массами наиболее полно соответствовала лишь конкретному историческому периоду. Современная ситуация характеризуется решением основных задач, из-за которых массы пошли в политику. Среди них могут быть названы: гарантия прав граждан, обеспечение достойного уровня жизни, утверждение социально-правового государства. В результате, подчеркивает исследователь, «политические (а значит – идеологические) механизмы защиты интересов во многом утратили свой смысл» [1, с. 33].

Складываются новые средства организации взаимоотношений между элитой и массами – так называемая политическая рекламистика. В обществе, в котором все более важную роль начинают иг-

рать средства массовой информации, коммуникация между гражданами и государством осуществляется при помощи информационных потоков, рассчитанных не на то, чтобы сформировать устойчивую систему убеждений о политическом и социальном мире, как это делала идеология, а предназначенных только для того, чтобы «развернуть человека в сторону того или иного политического проекта, побудить к голосованию, к поддержке конкретного действия государства или партии» [1, с. 34]. Мир меняется слишком быстро, чтобы эффективными оказались устойчивые смысловые структуры. Политическая рекламистика как способ продуцирования политических значений и смыслов оказывается более оперативной, гибкой, манипулятивной формой идентификации и ориентации человека в пространстве политики.

Рассмотрение механизмов реализации власти политической элитой позволяет сделать вывод о том, что для оптимизации отношений между гражданами и государством, поддержания стабильности в обществе, политическая элита не только обновляет свои ряды, но и средства реализации власти.

Примечания

1) Соловьев А.И. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии (материалы дискуссии) // Полис, 2004. № 4. С. 28 – 36.

2) Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. 2-nd ed. N.Y.: Free Press, 1966. 380 p.

3) Mosca G. The Final Version of the Theory of the Ruling Class // The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the «Elite» / Ed. by J.H. Meysel. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. P. 382 – 391.

4) Mosca G. The Ruling Class. N.Y.: McGraw Hill, 1939. 515 p.

5) Pareto V. The Mind and Society. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1935. Vol.4: The General Form of Society. P. 1433 – 1930.

Вопросы для повторения

1) Сформулируйте суть основного социологического закона Р. Михельса.

2) Определите роль масс в поддержании положения элиты на вершине социальной и политической пирамиды.

3) Какова роль идеологии в качестве инструмента конструирования отношений между элитой и массами?

4) Дайте определение политической рекламистики? В чем состоит отличие политической рекламистики и идеологии в качестве средства продуцирования политических значений и смыслов в процессе коммуникации между элитой и массами?

Темы для письменных исследовательских работ

1) Развитие информационного общества в России как фактор появления новых средств коммуникации между элитой и массами

2) Активность избирателей как фактор построения отношений в диаде «элита – массы».

3) «Железный закон олигархии»: социально-психологические факторы взаимоотношений между управляющими и управляемыми (на конкретных примерах функционирования партий, неправительственных организаций).

4) Технологии политического манипулирования (на конкретных примерах работы СМИ).

5) Политические портреты современных лидеров.

6) Триада «материальное благополучие – свобода – справедливость» как ключевые ценности современной России.

7) Проблема идентификации элиты со своей страной (на примере российской элиты или элит других стран, или разных элитных групп).

Тема 6. Элита как субъект принятия решений: проблема восприятия угрозы*

В определении политической элиты заложена ее основная функция, связанная с принятием важных для страны решений. Так, президент РФ В.В. Путин, характеризуя статус и специфику деятельности глав государств, подчеркнул: «Являемся мы лидерами или не являемся – это еще вопрос, а то, что совершенно очевидно, мы являемся руководителями правительств либо главами государств, и все мы, так же как и наши коллеги в других странах, исхо-

* Тема 6 подготовлена в рамках выполнения работ по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК 4221.2006.6, научный руководитель профессор И.Ю. Киселев.

дим из того, что у нас есть *право принимать решения*, поскольку это право получено демократическим путем в ходе избирательных кампаний в парламент либо при прямом голосовании за главу государства, как это происходит в Российской Федерации» [4]. И, несомненно, одна из ключевых сфер принятия политических решений связана с обеспечением безопасности. Она, в свою очередь, предполагает совершение действий по выявлению существующих угроз, их оценке и предотвращению.

Широкий резонанс, как правило, вызывают случаи реализованных угроз, к которым общество и государство оказались не готовы. В таких случаях власть обвиняют в бездействии и недальновидности, а в научных кругах начинается обсуждение возможных причин такого поведения политиков [7, 11, 16]. При проведении подобных исследований одной из ведущих по-прежнему остается *когнитивная парадигма*, которая предполагает рассмотрение «пропущенных» угроз как результат ошибок, допускаемых субъектами принятия политических решений в процессе поиска и переработки информации. Вместе с тем необходимо отметить, что в современных исследованиях когнитивные факторы выступают не в качестве самостоятельных переменных. Они рассматриваются во взаимосвязи с организационными переменными [11] или характеристиками субъектов принятия решений как представителей элиты, которая выступает в качестве особой социальной группы [16].

Преимущества подобного подхода очевидны. Принимая во внимание принадлежность субъекта принятия решений к политической элите и знание организационного контекста, в котором осуществляется выработка решения, мы можем получить результаты релевантные изучаемой области политики. Вместе с тем существуют аргументы против подобного синтеза. Один из них сформулировали американские ученые, основная задача которых состояла в том, чтобы оптимизировать работу советников президента и улучшить качество информации и рекомендаций, которые к нему поступают. Результатом этих исследований стал вывод о том, что ни одна организационная структура не является безупречной, и все зависит от когнитивного стиля и информационных потребностей каждого президента [13]. Однако в данном случае сразу возникает вопрос: насколько влиятельными оказываются личностные характеристики президентов или других представителей политической элиты, учи-

тывая коллегиальный характер процесса принятия политических решений в демократических государствах? Президент может принимать окончательное решение, однако подготовительный этап работы, связанный с поиском информации и выработкой рекомендаций, осуществляет множество других людей. В данном случае изучение личностных характеристик позволит выявить один из возможных блоков независимых переменных, который оказывает влияние на поиск и переработку информации, но вряд ли он будет определяющим.

Данная дискуссия имеет непосредственное отношение к проблеме восприятия угрозы. При обсуждении причин «ошибок», допущенных при оценке угрозы, акцент чаще всего делается на необходимости развития технологий, улучшения организации работы, выделения дополнительного финансирования. При этом почти без внимания остается так называемый «человеческий фактор». Но ведь суть действий политических деятелей состоит в том, чтобы сформировать суждение по проблеме, вынести оценку, как правило, в условиях неопределенности. Подобное понимание процесса восприятия угрозы делает наиболее значимым рассмотрение переменных, действующих на уровне индивида и группы. Вместе с тем, поскольку анализ рисков реализации угрозы непосредственно связан с задачами по обеспечению национальной безопасности, сохранению национального суверенитета и территориальной целостности государства, процессы восприятия и оценки угрозы приобретают характер политических, затрагивают действия такого института, как государство. Переменные какого уровня анализа позволят наиболее полно раскрыть суть процесса восприятия угрозы: личности, группы или государства? Чтобы ответить на поставленный вопрос, сначала необходимо рассмотреть *объект восприятия – угрозу*.

Угроза: основные характеристики. В последнее время термин «угроза» стал достаточно расхожим и употребляется в весьма неожиданных контекстах и сочетаниях. Поэтому сначала необходимо сформулировать определение угрозы. Согласно классическому определению, угроза – это намерение субъекта угрозы причинить вред объекту угрозы в случае невыполнения последним требований, которые поставил перед ним субъект угрозы. В качестве примера угрозы может служить следующее утверждение: «Если государство X не прекратит деятельность на своих ядерных объек-

тах, в отношении данного государства будут введены санкции». Ключевыми элементами угрозы, с точки зрения данного определения, выступают: субъект угрозы (тот, кто угрожает), объект угрозы (тот, кому угрожают), намерение причинить вред. Если политическому лидеру известны все перечисленные элементы (это происходит, когда угроза выражена открыто), то его основная задача состоит в том, чтобы рассмотреть ситуацию с точки зрения выигрышей и потерь, а также оценить вероятность реализации намерения причинить вред. Данная задача не является предметом анализа данной статьи, поскольку требует изучения других переменных, нежели тех, что были обозначены выше.

Гораздо чаще возникают случаи, когда субъект угрозы неизвестен, или его намерения скрыты. Другими словами, можно говорить о феноменах десубъективации и размывания компонента намерения. *Десубъективация угрозы* выражается в том, что в ситуации отсутствует явный субъект угрозы, который открыто выражает свои требования. Десубъективация связана либо с трудностями по локализации источника угрозы в пределах какого-либо государства или региона, либо с действием на международной арене негосударственных акторов и невозможностью применить категории, нормы и правила, принятые в отношении государств. Международный терроризм является ярким примером десубъективации угрозы.

Размывание компонента намерения угрозы проявляется двояко. С одной стороны, угрозы стихийных бедствий, экологические катастрофы, вспышки заболеваний трудно охарактеризовать как чье-то намерение причинить вред. Данное свойство угрозы связано с предыдущим – десубъективацией. С другой стороны, даже если можно определить субъект угрозы, намерение причинить вред редко формулируется открыто, зачастую оно лишь подразумевается. Более того, существуют такие угрозы, как, например, использование оружия массового уничтожения, которые необходимо распознать и предотвратить, пока намерение субъекта угрозы еще не сформировано. Суть процесса восприятия угрозы в данном случае есть – *антиципация, предвосхищение*.

Размывание компонента намерения вносит, пожалуй, самый большой вклад в создание ситуации неопределенности, поскольку несформированный или скрытый компонент намерения отнюдь не означает отсутствие угрозы. Более того, как подчеркивается в ру-

ководстве по предотвращению и оценке угрозы, разработанном министерством юстиции США, открыто выражаемая угроза зачастую свидетельствует как раз об отсутствии намерения причинить вред, и наоборот [9].

Таким образом, основная задача субъекта принятия решений состоит в том, чтобы определить основных субъектов угрозы (источники угрозы), сконструировать их намерения и сформулировать *суждение* о существовании угрозы. Может ли при этом субъект опереться на объективные показатели, свидетельствующие о существовании угрозы?

Развивая идеи, представленные в работах сторонников концепции «усиления риска в социуме», о том, что риск содержит как онтологический, так и эпистемологический компоненты [12, 15], можно предположить наличие подобных компонентов применительно к феномену угрозы. Угроза воспринимается как реальная с точки зрения последствий, которые вызывают неблагоприятные изменения окружающей среды или здоровья человека, отношений в обществе, ключевых ценностей. Объективный характер угрозе придают также наличие у государств *возможностей (оружие, экономические и человеческие ресурсы)* для ее реализации, а также *намерений*, которые могут быть зафиксированы в различных документах, таких как концепция национальной безопасности. Влияние указанных факторов демонстрирует генерал армии, президент Академии военных наук М. Гареев на примере военной доктрины Китая. В ней существует понятие «комплексная мощь государства». В частности, он отмечает: «В доктрине записано, что по мере возрастания этой комплексной мощи автоматически границы государства должны расширяться. Все мы знаем сильнейший демографический фактор в Китае. И многое в данном случае зависит не от того, что хотят те или иные правители сегодня, какие они заявления делают. Какие-то объективные факторы будут их подталкивать независимо от их желаний. Если он не удовлетворяет объективно назревшие потребности, тогда появляются другие руководители» [1]. При этом подчеркивается, что расширение границ государства будет происходить в том направлении, где встретится самое слабое сопротивление. «В каком положении находится Россия, не приходится сомневаться», – делает вывод эксперт [1]. Сказанное выше позволяет выявить еще один объективный компонент – *уязвимость*

государства перед той или иной угрозой. Перечисленные «объективные» переменные определяют существование угрозы.

Мы взяли слово «объективные» в кавычки, поскольку сами по себе конструкты «потенциал», «намерения» и «уязвимость» оставляют ситуацию неопределенной для субъектов принятия решений. Несмотря на то что намерения зафиксированы документально, как в приведенном примере с военной доктриной Китая, формулировка не содержит прямых указаний на государства, за счет которых будет происходить расширение границ, тем самым, остается значительное пространство для интерпретаций. Существует множество подходов и к измерению потенциала государства. В зависимости от того, какой подход выберет эксперт или субъект принятия решений, в качестве источника угрозы могут быть названы очень разные государства. Например, Н. Алкок и А. Дж. Ньюкомб на основе проведенного эмпирического исследования делают вывод, что оценка потенциала государства зависит от величины валового национального продукта или уровня военных расходов, если государства не воевали друг с другом в последние годы. Однако, если государства находятся в состоянии войны, оценки потенциала государства будут зависеть от показателей военных расходов [5]. Практика показывает, что критерий военных расходов не позволяет точно определить расстановку сил на международной арене. Феномен асимметричной угрозы – тому свидетельство.

В результате исследователи все чаще используют понятие «воспринятого могущества» и указывают на ошибки, которые могут возникнуть в процессе оценки потенциала возможного противника. Так, А. Фридберг подчеркивает, что обладатель большего количества единиц военной техники рассматривается как более сильный. Другая ошибка возникает по причине использования абсолютных значений при оценке военного потенциала, в то время как эти показатели являются относительными. Наконец, еще одна ошибка оценки военного потенциала возникает по причине того, что акторы склонны смотреть на мир исключительно «своими» глазами. Им трудно увидеть ситуацию с позиций других участников международных отношений [10, с. 192 – 194]. Поэтому появляются ошибки восприятия, и угроза может оказаться завышенной или заниженной, а порой – трактоваться как мнимая.

Таким образом, сказанное выше позволяет рассматривать угрозу как результат познания субъектом (гносеологический компонент) объективной реальности (онтологический компонент). Другими словами, оценка уровня могущества государства и выявление существующих угроз безопасности зависят от того, как политический лидер воспринимает ситуацию, сложившуюся на международной арене. Данный вывод влечет за собой другой. Вслед за Ф. Закария повторим, что именно государственный деятель, а не государство, является основным участником международных отношений [17, с. 42]. И государственный деятель конструирует реальность, формулируя суждения по той или иной проблеме. Далее мы постараемся продемонстрировать, что данный вывод верен лишь отчасти и требует существенного уточнения. В нынешнем виде сформулированный вывод предполагает, что ключевыми для анализа процесса восприятия угрозы являются характеристики личности политика.

Характеристики личности. Определение сути процесса восприятия и оценки угрозы как построения суждения обуславливает постановку проблемы «качества суждения», а также поиска факторов, его определяющих. Рассматривая пропущенные угрозы как результат ошибок, допускаемых субъектами принятия решений, и принимая во внимание то, что в основе процесса восприятия угрозы лежит построение суждений, появление ошибок можно расценивать как результат *некачественных суждений*. Умение оценивать ситуацию внутри страны и на международной арене представляет собой одно из так называемых «профессионально важных качеств» политика. Один из величайших американских политиков Г. Киссинджер отметил однажды, что политический лидер должен пройти экзамен на умение «распознавать реальную расстановку сил и использовать эти знания для достижения своих целей» [прив. по 10, с. 190]. Однако, как показывает практика, не каждому политику под силу выдержать подобный экзамен. Что представляет собой процесс построения суждения? Какие факторы определяют его качество?

Американский политический психолог Ст. Реншон называет в качестве основного элемента суждения *фрейминг*, способ презентации проблемы в сознании [14]. Способ презентации проблемы ограничивает набор альтернатив, которые будут рассмотрены субъектом. Зависимость качества суждения от выбранного способа презентации проблемы определяется следующим образом. Любая

ситуация содержит целый ряд характеристик. Например, оценка угрозы произведенных государством испытаний ядерного оружия может осуществляться с позиций проблемы распространения оружия массового уничтожения или с точки зрения радиоактивного загрязнения определенной территории. Каждый из способов репрезентации проблемы оправдан, однако первый способ понимания проблемы, вероятно, позволит более точно сформулировать ее суть и оценить уровень опасности. Но если оценку производит представитель какой-либо экологической организации, то второй способ репрезентации проблемы окажется более релевантным. Таким образом, чем точнее выбран фрейм, при помощи которого представлена проблема, тем качественнее будет суждение, сделанное субъектом.

Примером «плохого фрейма» и, как следствие, некачественных суждений, может служить переработка американским политическим руководством информации о готовящихся терактах. Как подчеркивал представитель пресс-службы президента США, Дж. Буш располагал информацией о том, что боевики Усамы бен Ладена намереваются похитить американские воздушные лайнеры с целью совершения террористических актов. Однако никто не мог предположить, что террористы используют захваченные самолеты в качестве ракет для уничтожения небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здания Пентагона в Вашингтоне. У всех существовала уверенность, что террористы используют угнанные самолеты «традиционно» – захвачены заложники с целью выдвижения требований. Подобную уверенность разделял и американский президент. В данном случае задача субъектов принятия решений состояла не просто в том, чтобы выбрать «хороший» фрейм, а создать новый.

Качество суждений определяется как когнитивными, так и характерологическими особенностями личности субъекта. Ст. Реншон выделяет три группы способностей, определяющих качество суждений: анализ, рефлексивность и исполнение. Формулировку качественных суждений обеспечивает наличие у политика *аналитических способностей*, то есть умения понять суть проблемы, найти возможные пути ее решения и методы, при помощи которых эти решения могут быть реализованы. *Рефлексивность* ассоциируется со способностью рассматривать и оценивать аналитическую информацию с точки зрения различных перспектив, в том числе и с позиций людей, заинтересованных в результате решения. Подобное рассмотрение осуществля-

ется под влиянием ценностей и идей политика и других акторов, а также – с учетом краткосрочных и долгосрочных стратегических целей и интересов. Наконец, политик должен уметь *проводить в жизнь результаты суждения*. Основное внимание уделяется средствам реализации решений: являются ли они адекватными? предпочитает ли лидер просто ограничиться заявлениями, угрозами или предпочитает реальные действия [14, с. 31]?

Кроме когнитивных способностей на качество суждений могут влиять и, собственно, личностные черты. Например, в исследовании, проведенном Б. Фарнхэм, показано, что одним из факторов восприятия президентом США Р. Рейганом советской ядерной угрозы и его политики в сфере обеспечения безопасности является *страх*, связанный с возможностью начала войны между государствами с использованием ядерного оружия [8]. Политика в области безопасности также репрезентирована с точки зрения реализации *мечты* избавить мир от ядерного оружия. Другая мечта – создать систему защиты от ядерных ракет – была воплощена в программе Стратегической оборонной инициативы (СОИ).

Задачей данной работы не является анализ механизмов влияния когнитивных и личностных характеристик на восприятие угрозы. Более важным представляется поиск ответа на вопрос: можно ли рассматривать особенности личности в качестве основных детерминантов восприятия угрозы? Иначе говоря, существуют ли другие, более важные переменные, определяющие специфику восприятия угрозы политическим руководством? На первый вопрос ответ может быть положительным в том случае, если известно, что субъект принятия решений обладает какими-то ярко выраженными личностными чертами, акцентуациями характера или даже... патологией. Влияние когнитивных и психологических особенностей может также проявляться в том случае, если субъект принимает решение самостоятельно, без участия других акторов. Если решения принимаются группой, тогда личностные характеристики участников могут компенсировать друг друга. В результате «на первый план» выходят переменные, действующие на другом уровне анализа – на уровне группы.

Влияние группы. Индивиды, которых мы категоризовали как «субъекты принятия решений», являются *представителями политической элиты*. Влияние данной переменной на восприятие угро-

зы рассматривает в своей работе Р. Швеллер. В основе его исследования лежит положение о том, что государства реагируют на стимулы, поступающие из среды международных отношений, с учетом особенностей внутривнутриполитической ситуации в стране. Другими словами, ученый полагает, что «сложные внутривнутриполитические процессы выполняют функцию «приводного ремня», который служит каналом и (пере-) направляет политические реакции, возникающие в ответ на воздействие внешних сил, в первую очередь, на изменение в распределении силы» [16, с. 6]. Поэтому государства реагируют по-разному на одинаковые стимулы, поступающие из внешней среды, в том числе и на сигналы о существовании угрозы.

Р. Швеллер описывает четыре фактора, оказывающих влияние на восприятие угрозы и противодействие им. Они касаются роли элиты и обычных граждан. *Во-первых*, это консенсус или несогласие представителей элиты относительно природы и степени угрозы, а также политических и материальных затрат и рисков, необходимых для противодействия ей.

Во-вторых – сплоченность, интеграция или фрагментация элиты, возникающая по идеологическим, культурным или религиозным признакам, партийным и региональным интересам, этнической или классовой лояльности. С точки зрения восприятия угрозы и противодействия ей противоречия внутри элиты могут привести к нескольким возможным сценариям развития событий: сотрудничеству с политическими группировками враждебного государства, отсутствию консенсуса по вопросу приоритетов в области обеспечения безопасности, поиску союзников, расходованию средств на оборону.

В-третьих – сплоченность, интеграция или фрагментация общества. Влияние данного фактора рассматривается с точки зрения предположения о роли внешней опасности в достижении единения группы или нации в целом. Данная гипотеза находит как сторонников, так и противников среди представителей экспертного сообщества. Критики исходят из того, что угроза должна обладать определенными характеристиками, чтобы сплотить нацию. Например, президент института стратегических оценок А. Коновалов полагает, что война способна объединить нацию, если она непродолжительна по времени, бескровна и победоносна. «Вьетнам и Чечня показали, что война может расколоть нацию», – отмечает эксперт [3]. М. Гареев формулирует еще один аргумент против данной гипотезы, подчер-

кивая, что характер современных войн изменился. Они приобретают вид локальных конфликтов, провокаций, идеологических кампаний. «В такой ситуации трудно добиться единения нации», – полагает М. Гареев [1]. Несмотря на то, что в первоначальном прочтении гипотеза может не находить своего подтверждения, она обосновывает выдвижение другого предположения, согласно которому государства, характеризующиеся высоким уровнем политической и социальной интеграции, скорее всего организуют противодействие внешней угрозе, и наоборот. Общество, которое разъединяют конфликты, не сможет отреагировать на существующие угрозы как раз по причине отсутствия консенсуса, осознания необходимости отразить опасность. При этом значительный вклад в раскол общества и, следовательно, снижение восприимчивости последнего к угрозам вносят конфликты внутри элиты.

Наконец, *четвертый фактор* – уязвимость политического режима, которая на практике проявляется в том, что правительство характеризуется недостаточной легитимностью и не обладает необходимыми политическими ресурсами для противодействия угрозе. Более того, слабые нестабильные режимы опасаются мобилизации граждан, поскольку полагают, что оружие в их руках может быть направлено не против врага, а против самой власти.

Таким образом, результатом действия данных факторов становится появление двух типов ошибок восприятия угрозы. Появление *ошибок первого типа* обусловлено отсутствием четко выстроенных приоритетов в области национальной безопасности, что, в свою очередь, вызвано отсутствием консенсуса в обществе и политических кругах. *Ошибки второго типа* – это ошибки оценки рисков. Если элита и общество дезинтегрированы, режим слаб и уязвим, а элита демонстрирует высокую степень разногласий по ключевым вопросам обеспечения национальной безопасности, то увеличиваются риски и затраты на осуществление поведения по противодействию угрозе, и политическое руководство может предпочесть вообще не реагировать на угрозы. Другими словами, риск, связанный с отсутствием реакции на угрозу, воспринимается как менее серьезный, нежели риски, обусловленные проведением мероприятий по предотвращению угрозы.

Хотя перечисленные факторы помогают понять, почему политическое руководство оказалось неспособно ответить на угрозы,

анализ влияния данных факторов позволяет сделать вывод, что сами они также нуждаются в объяснении. Иначе говоря, нельзя ограничиться утверждением о том, что причиной «пропущенных угроз» стала разобщенность в обществе или стремление элиты следовать корыстным интересам. Подобное положение дел вряд ли можно считать естественным. Вероятно, могут быть выделены более глубинные причины, объясняющие возникновение ошибок при восприятии угрозы. По нашему мнению, в качестве такой причины выступает отсутствие у элиты и масс четко сформированной *государственной идентичности* и представлений о *национальных интересах*.

Образ государства и национальные интересы. Пожалуй, одна из наиболее важных характеристик процесса восприятия угрозы представителями политической элиты состоит в том, что они осуществляют восприятие угрозы, которая направлена не против них непосредственно. Поэтому, осуществляя оценку угроз, представители политической элиты должны руководствоваться не своими личными интересами, а интересами общества и государства. Как подчеркивает М. Гареев, «... если вы имеете свои национальные интересы и будете их отстаивать, то они могут вступить в противоречие с национальными интересами других государств, могут возникнуть угрозы. Если у вас нет национальных интересов, никто вам угрожать не будет» [1].

Формирование и усвоение элитой национальных интересов осуществляется в процессе поиска государством своей идентичности. Государство – это не только территория и определенным образом функционирующие институты. Это также и «идея государства» [6, с. 64]. На практике «идея государства» находит свое воплощение в *цели* [6, с. 69], ради достижения которой существует данное государство, и которая определяет особенности политического режима, специфику отношений между обществом и властью, формулировку основных направлений внешней политики. «Идея государства», в свою очередь, представляет собой неотъемлемую часть образа «Я» государства, который включает представления о ключевых ценностях нации, ее истории, а также статусе и основных ролях на международной арене [2]. Например, идея России как энергетической сверхдержавы находит основания в существующих паттернах образа «Я» нашего государства. Данная государственная идея позволит реализовать статус России как великой державы, не используя

при этом ссылки на существующий ядерный потенциал. Более того, она предоставляет возможности переформулировать статус России со страны с сырьевой экономикой в государство, развивающее высокие технологии. Можно предположить, что данная идея найдет отклик как у политической элиты, так и у обычных граждан.

Если «идея государства» отсутствует, непонятна или чужда гражданам и элите, то государственным институтам будет трудно реализовывать свои властные функции. Более того, как подчеркивает Б. Бузан, «государства без интегрирующей их идеи могут оказаться в таком невыгодном положении, что будут неспособны поддержать свое существование в конкурентной среде международных отношений» [6, с. 64 – 65]. Данный аспект «идеи государства» обеспечивает ее связь со сферой национальной безопасности и восприятием угроз. Можно предположить, что как угрожающие будут рассматриваться такие действия субъекта угрозы, которые ставят под сомнение или трансформируют основные характеристики образа «Я» государства, неотъемлемой частью которого является идея государства. В этой связи можно говорить о существовании так называемых *угроз идентичности, статусу и роли*.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что восприятие угроз представителями политической элиты и конструирование качественных суждений будет возможно только в том случае, если политики обладают четко сформированным представлением об основных целях государства на международной арене и достигнут консенсуса относительно этих целей. Если такое представление не сформировано или представители политической элиты подменяют национальные интересы личными или корпоративными, то, как было показано ранее, возможно возникновение ошибок восприятия угрозы.

Восприятие угрозы: проблема уровня анализа. Таким образом, в данной работе были рассмотрены три группы переменных, влияющих на восприятие угрозы: когнитивные и психологические черты личности, особенности функционирования политической элиты и уровень сформированности и осознания политической элитой образа «Я» государства и национальных интересов. В основе восприятия угрозы в международных отношениях лежит процесс построения суждения субъектом принятия политических решений. Однако это не означает, что основными перемен-

ными, влияющими на формулировку суждений о существовании угрозы, автоматически окажутся особенности личности субъекта. Обозначенные нами результаты теоретических и эмпирических исследований, а также ссылки на мнения экспертов приводят к выводу, что все три группы переменных позволяют получить значимые научные результаты и раскрыть те или иные аспекты процесса восприятия угрозы. Выбор уровня анализа может быть обусловлен целями конкретного исследования. Но в целом ученый, изучая процесс восприятия угрозы, должен решить ту же самую задачу, что и политический лидер – выбрать фрейм, позволяющий наиболее точно определить специфику исследуемой ситуации, и избежать ошибки, априори рассматривая какую-либо одну группу переменных в качестве основной.

Переменные, действующие на индивидуальном уровне анализа, окажутся более информативными, если субъект принятия решений обладает характерными личностными особенностями, а также, если известно, что суждение о существовании угрозы субъект формулировал самостоятельно. Можно также предположить: чем более интегрированными и консолидированными являются политическая элита и общество в целом, тем более влиятельными окажутся переменные, раскрывающие специфику образа «Я» государства и национальных интересов. И наоборот, если общество и элиты характеризуется конфликтным взаимодействием, тогда имеет смысл уделить более пристальное внимание переменным, действующим на уровне группы.

Примечания

- 1) Гареев М. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 6.03.2003.
- 2) Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: СПбГУ, 2003. 272 с.
- 3) Коновалов А. Что делать? // Телевизионный канал «Культура», 06.03.2003.
- 4) Стенографический отчет о встрече с участниками Международного форума неправительственных организаций «Гражданская восьмерка-2006», 4 июля 2006 года, Москва. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
- 5) Alcock N.Z., Newcombe A.G. The Perception of National Power // The Journal of Conflict Resolution, 1970. Vol. 14, № 3. P. 335 – 343.
- 6) Buzan B. People, States and Fear: an Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Bolder: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1991. 393 p.

7) Clarke L. Worst Cases: Terror and Catastrophe in the Popular Imagination. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. 200 p.

8) Farnham B. Perceiving the End of Threat: Ronald Reagan and Gorbachev Revolution // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / Ed. by S.A. Renshon and D. W. Larson. N.Y. Rowan & Littlefield Publishers, 2003. P. 153 – 190.

9) Fein R.A, Vossekuil B. Protective Intelligence and Threat Assessment Investigations: A Guide for State and Local Law Enforcement Officials. US Department of Justice. Office of Justice Programs. National Institute of Justice. January 2000. P. 60.

10) Friedberg A. The Assessment of Military Power // International Security, 1987/88. Vol. 12, № 3. Winter. P. 190 – 202.

11) Jones B.D., Baumgartner F.R. The Politics of Attention: How Government Prioritizes Problems. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. 304 p.

12) Kasperson R.E. The Social Amplification of Risk: Progress in Developing an Integrative Framework of analysis // Social Theories of Risk / Ed. by Krimsky S., Golding D. Westport, CT: Praeger, 1992. P. 153 – 178.

13) Larson D.W. Good Judgment in Foreign Policy // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / Ed. by St.A. Renshon and D. W. Larson. N.Y. Rowan & Littlefield Publishers, 2003. P. 3 – 23.

14) Renshon St. A. Psychological Sources of Good Judgment in Political Leaders // Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application / Ed. by St.A. Renshon and D. W. Larson. N.Y. Rowan & Littlefield Publishers, 2003. P. 25 – 57.

15) Rosa E.A. The Logical Structure of Social Amplification of Risk Framework (SARF): Metatheoretical Foundations and Policy Implications // The Social Amplification of Risk / Ed by N. Pidgeon, R.E. Kasperson, P. Slovic. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 47 – 79.

16) Schweller R. L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. Princeton University Press, 2006. 200 p.

17) Zakaria F. From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. Princetin, NJ.: Princeton University Press, 1998. 216 p.

Заключение

Логика изложения материала в книге направлена на то, чтобы сосредоточить внимание на различных аспектах функционирования элиты как особой социальной группы, которая является одним из атрибутов индустриального общества. Можно сделать вывод о существовании трех основных характеристик элиты, которые определяют ее место и роль в обществе. Принадлежность к элите ука-

зывает на то, что представители данной группы занимают высоко-статусные позиции в социальной иерархии. Например, в социологии существует термин «элитные профессии», при помощи которого в США и других западных странах обозначаются такие профессии как врач, юрист, банкир. Элитный статус некоторых сфер профессиональной деятельности определяется существующим высоким запросом в обществе на оказание тех или иных услуг (например, юридических или банковских), их социальной значимостью (оказание врачебной помощи). В результате эти профессии хорошо оплачиваются и наделяются другими атрибутами высокого положения в социальной иерархии, такими как влияние и власть.

Статус элиты определяется не только социальной значимостью ее деятельности. Продолжая рассматривать пример с профессиями, можно сделать вывод, что освоение профессии врача или юриста автоматически определит высокий статус индивида в социальной иерархии. Но при этом данному индивиду необходимо продемонстрировать исключительные интеллектуальные способности, творческое мышление и личные качества, которых лишены другие члены общества. Благодаря этим характеристикам представители элиты отличаются от других людей, категоризируемых как «массы», и поэтому могут претендовать на то, чтобы занять позиции, обеспечивающие высокий социальный статус.

Личные и статусные характеристики представителей элиты определяют функции данной группы в обществе, ее социальные роли. Среди них наиболее важными, по нашему мнению, являются управление, развитие и сохранение культуры. Благодаря занимаемому социальному статусу представители данной группы принимают решения, которые оказывают влияние на судьбы многих людей, определяют направление развития общества как в научно-технической сфере, так и в области идей, ценностей, мировоззрений. Одновременно элита выступает как носитель и хранитель достижений общества и человечества в целом. Благодаря представителям данной группы сохранены и переданы современникам басни Эзопа и музыка С. Баха, эксперименты И. Ньютона и идеи И. Канта. Элиты сохраняют преемственность и обеспечивают стимулы для нового поиска, а значит, движения вперед.

Основная литература

- 1) Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Арон Р. – М.: Прогресс, 1993. – Гл. 11. – С. 409 – 487.
- 2) Ашин, Г.К. Современные теории элиты: критический очерк / Г.К. Ашин. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.
- 3) Ашин Г. К. Элитология: учебное пособие для гуманитарных вузов/ Г.К. Ашин. – М.: МГИМО-университет, 2005. – 544 с.
- 4) Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / отв. ред.: В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Режим доступа: <http://www.skags.ru>
- 5) Власть и элиты в современной России: сборник научных статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. – 296 с.
- 6) Восленский, М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. Восленский. – М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.
- 7) Киселев, И.Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования / И.Ю. Киселев. – М: ИП РАН, 2000. – 410 с.
- 8) Киселев, И.Ю. Политическая элита: ее сущность и психология / И.Ю. Киселев. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1995. – 192 с.
- 9) Лапина, Н.Ю. Российские экономические элиты и модели национального развития / Н.Ю. Лапина. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – 32 с.
- 10) Лэш, К. Восстание элит / К. Лэш. – М.: Логос; Прогресс, 2002. – 224 с.
- 11) Миллс, Р. Властвующая элита / Р. Миллс. – М.: Иностранная литература, 1959. – 484 с.
- 12) Нарта, М. Теория элит и политика: к критике элитаризма / М. Нарта. – М.: Наука, 1978. – 237 с.

Дополнительная литература

1) Артемов, Г.П. Политическая социология / Г.П. Артемов. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

2) Вятр, Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. – М.: Прогресс, 1979. – 464 с.

3) Гринин, Л.Е. «Люди известности» – новый социальный слой? / Л.Е. Гринин // Социс, 2004. – № 12. – С. 46 – 54.

4) Дай, Т.Р. Демократия для элиты: введ. в американскую политику / Т.Р. Дай, Л.Х. Зиглер. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320 с.

5) Заславская, Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т.И.Заславская. – М.: Дело, 2004. – 400 с.

6) Крыштановская, О. Режим Путина: либеральная милитократия // Pro et Contra, 2002. – Том 7. № 4. – С. 158 – 180.

7) Малькова, Т.П. Массы. Элита. Лидер / Т.П. Малькова, М.А. Фролова. – М.: Знание, 1992. – 40 с.

8) Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. – М.: Международные отношения, 2004. – 536 с.

9) Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В.Ю. Большакова. – СПб: СПбГУ, 2000. – 512 с.

10) Политическая имиджелогия / под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перелыгиной. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 464 с.

11) Политическая элита // Политическая социология: учебник / под ред. Т.Ж. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДИАНА, 2002. – Гл. 17. – С. 334 – 352.

12) Психология и психоанализ власти. Хрестоматия: в 2 т. / сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский дом «Бахрах», 1999. – 576 с.

13) Россия. Планетарные процессы / под ред. В.Ю. Большакова. – СПб: СПбГУ, 2002. – 752 с.

14) Самсонова, Т.Н. Концепция «правлящего класса» Г. Моски / Т.Н. Самсонова // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 176 – 187.

Содержание

Введение	3
Тема 1. Элитология как комплексная научная дисциплина: предмет, объект и структура элитологии	6
Тема 2. Концептуальные и методологические основы изучения элиты.....	17
Тема 3. Элитизм как подход к анализу отношений в обществе. Основные направления изучения элиты в отечественной науке.....	37
Тема 4. Проблематика элиты в классических концепциях Г. Моски и В. Парето	52
Тема 5. Элита – массы: механизмы реализации власти	62
Тема 6. Элита как субъект принятия решений: проблема восприятия угрозы	77
Заключение	91
Основная литература	93
Дополнительная литература	94

Учебное издание

Элитология

Учебное пособие

Под общей редакцией
Киселева Игоря Юрьевича

Редактор, корректор О.Н. Скибинская
Компьютерная верстка Е.Л. Шелеховой

Подписано в печать 09.10.2006. Формат 60x84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет
150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.